

КАТАПУЛЬТА
(пьеса в двух действиях)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1.

Массивная железная дверь чёрного входа в магазин. На стене видекамера. Рядом с мусорными контейнерами мусор. В углу лужа. Всё логично. Из-за тяжёлой металлической двери слышны звуки ударов и борьбы. Всё это происходит довольно продолжительное время. Но. Всё же. Дверь распахивается, из неё вылетает мужчина, падает на асфальт, дверь закрывается. Мужчина лет под 40, брюки, рубашка – обычный такой. Он, лёжа снимает надетые как кастет на четыре пальца руки часы, рассматривает, чертыхается. Затем тяжело встаёт, пошатываясь идёт в сторону от двери, сплёвывая вязкую, с кровавыми сгустками слюну на асфальт. Постановивает.

ВАДИК. Херáсе, Вадик. Сходил. Устроился на работу.

Вадик делает несколько шагов поворачиваясь спиной. Затылок разбит, по шее и воротнику белой рубашки обильно течёт кровь змейкой спускаясь по спине. Вадик проводит рукой по затылку, рассматривает руку. Возвращается к двери, и выписывает на ней кровью – «ПИ», снова прикладывает руку к затылку, морщится, стонет, и выводит дальше – «ДА», опять заносит руку, но останавливается...

ВАДИК. Ай, пошли вы.

Вадик отходит от двери на несколько шагов, садится на корточки обхватывая голову руками и закрывая от боли глаза. Сидит так. Покачиваясь. Немного.

Из-за угла появляется девушка. Явно в ту же железную дверь направляется. На ней белая блузка, юбка-карандаш, очки – в общем, всё довольно стандартно для того, чтобы на собеседовании выглядеть «Ок». Вадик слышит шаги, открывает глаза, смотрит.

ВАДИК. Стой!.. Не ходи туда, там писос... панический...

ДЕВУШКА. Я закричу...

ВАДИК. А чего кричать? Как я тут тебя... даже, что я тут тебя... в таком состоянии... я не из таких, чтоб ты знала... (*протягивая часы*). Посмотри, сколько там, а, по-братски?

ДЕВУШКА. Разбиты. Вам надо скорую вызвать.

ВАДИК. Ты чё, скорую... жена убьёт. (*ласково*) Ну который час, а?

ДЕВУШКА. Двенадцать, видимо. Мне к двенадцати надо было.

ВАДИК. А мне к без пятнадцати. У них конвейер прям... (*улыбнувшись*) А мог бы время и сам прикинуть, да?.. Да... Не ходи туда. Это тебе мой совет... на прощание...

ДЕВУШКА. Вы умираете? Господи, не умирайте тут, рядом со мной.

ВАДИК. Нет, я ухожу. Просто ухожу... и ты... уходи.

Вадик поднимается на ноги, делает несколько тяжёлых шагов, поворачивается, держит паузу наслаждаясь моментом, понимая, что он сейчас в центре внимания.

ВАДИК. Тут бы сейчас рокешник такой, из семидесятых, американский, и я такой: «Я, если что, Вадик» ... (*уходя, грустно*) блин, мамку проклясть надо за это имя – Вадик...

2.

Ночь. Лунный свет из окна выхватывает лежащих на кровати Вадика и Валя. Вадик лежит на спине. Валя, отвернувшись от него лежит на боку. Она под одеялом.

Вадик – нет, и явно озяб. Вещи «аккуратно» разбросаны на полу.

Во сне Вадик делает несильное движение головой, от которого и просыпается.

ВАДИК. Ым-м... тихо, тихо... понять надо, где мы. Потом шуметь.

ВАЛЯ. Скотина самый настоящий. Урод.

Валя говорит в пол голоса, всегда. Такая привычка появляется, когда ты решаешь обременить себя детьми, чтобы сохранить отношения. Через какое-то время это не србатывает, но дети остаются с тобой, и ты привыкаешь говорить шёпотом, когда они спят, а потом это продолжается просто так, в осознании совершённой глупости.

ВАДИК (*догадавшись*). А!.. Валь, Валь, Валь...

ВАЛЯ. Скотина невыносимая уже просто, уже задрал по самое «не могу» уже.

ВАДИК. Валь, Валь, Валь...

ВАЛЯ. Уже по суду, уже! По суду уже, а нет он тянется и тянется. Пристрелила бы...

ВАДИК. Валь, Валь, Валечка...

ВАЛЯ. Уже пристрелила, и отсидела бы уже, и уже бы и вышла. Скотина ненормальный, вот бессовестный, честное слово...

ВАДИК. Валь, Валь, Валечка...

ВАЛЯ. Прётся и прётся. Ночь, день, чё разбирать: «я – скотина, я прусь» ...

ВАДИК. Валь, Валя, Валентина...

ВАЛЯ. На кой хрен, я вот в это вот поверила во всё? Оставил ребёнку квартиру, так не прись сюда. Нет же, намазано тебе тут, что ли?

ВАДИК. Валя, Валь, Валя...

ВАЛЯ. Нажрётся и прётся постоянно. Что ты «Валькаешь» мне, навигатор купи, баран безмозглый, и иди к себе домой...

ВАДИК. Валь, Вальюшка, Валюня...

ВАЛЯ. «Вальюшка», где ты был, когда надо было «Вальюшка»? Бухаешь с горя, так не прись сюда, козлина. Самая настоящая козлина!

ВАДИК. Валь, ну Валя, Вальюшка...

ВАЛЯ. Что ты мне «Вальюшка», наизусть все твои «Вальюшки» знаю, скотина бессовестная. «Вальюшка» ... Что ты мне ещё сказать можешь?..

ВАДИК. Валь. Я, кажется, прилип...

Небольшая пауза для замешательства.

ВАЛЯ. Че ты несёшь?.. (*Валя думает, но на автомате...*) Баран... Скотина...

ВАДИК. Прилип, говорю. Башку не могу поднять с подушки.

ВАЛЯ. Ты охерел тут такое устраивать?

ВАДИК. Я чё, специально? Серьёзно говорю. Прилип.

ВАЛЯ. Ты, блин, фантазёр, что ли, совсем? Какое ты «не можешь поднять», какое «прилип»?

ВАДИК. Ну случилось так, видимо.

ВАЛЯ. Что, «видимо»?

ВАДИК. Я на работу пошёл устраиваться, а мне голову разбили. Видимо, вот и прилип. Кровь запеклась. Ну к подушке припёкса, Валь.

ВАЛЯ. Ты идиот, что ли, совсем?

ВАДИК. Принеси воды тёплой, а? Надо меня... как-то отклеить, что ли... я... не при даме будет сказано, я писать хочу.

ВАЛЯ. Ебобо, Ебобо, Ебобошенька...

ВАДИК. Пусть такой, но прости меня, Боженька...

ВАЛЯ. Заткнись... «Не при даме» он... баран...

Валя встаёт, идёт на кухню. Вадик лежит какое-то время, затем неудобно лезет под подушку Вали, достаёт пульт, включает телевизор. В комнате становится светлее. По телевизору идёт какой-то музыкальный канал. Вадик отключает звук, переключает каналы – дальше только рябь. Вадик щёлкает, останавливается на менее мельтешащей.

Возвращается Валя с ковшиком воды и кухонной губкой. Садится у головы Вадика, пробует его «отмочить». На лице бешенство, но движения аккуратные, любящие.

ВАДИК. Горячевата вода-то, Валь.

ВАЛЯ. Ты выбирать ещё будешь?

ВАДИК. И воняет... чё воняет-то, Валь? Тряпка, что ли? Это, губка, что ли?

ВАЛЯ. Губка, и что?

ВАДИК. Ты с раковины взяла, что ли?

ВАЛЯ. А что, есть время думать?

ВАДИК. Время думать – оно... всегда есть... Ай...

ВАЛЯ. Напрудил пока губку чистую буду искать. Терпи.

ВАДИК. Ну, это да, да... ты поскорее там.

ВАЛЯ. Могу просто дёрнуть щас, раз – и оторвать, нормально будет?

ВАДИК. Не надо. Шутить.

ВАЛЯ. Ну так и не подбивай.

ВАДИК. перевязать бы ещё потом, Валь?

ВАЛЯ. Ага. Хрена лысого. Как ты, баран, опять вляпался куда-то?

ВАДИК. Говорю же, на работу устраивался.

ВАЛЯ. Устроился?

ВАДИК. Ну, как видишь.

ВАЛЯ. Ну, а чё ожидать? Вадик, ты, блин, ну я не знаю... тебе же нельзя ничего самому, тебя надо за ручку водить, как маленького. Когда повзрослеешь уже?

ВАДИК. Ну я вот хотел... не вышло.

ВАЛЯ. И опять к нам припёрся!

ВАДИК. Ай... аккуратней, ей-богу, не в морге же у себя... Я квартиру малому оставил, но это не значит, что я не могу сюда приходить.

ВАЛЯ. Значит. Так суд сказал. А ты ж как напьёшься, так вечно тут. Я б тебя посадила уже сто раз, да жалко скотину.

ВАДИК. Я не пил вчера, а за «посадила» – спасибо.

ВАЛЯ. Ну хорошо хоть в детстве «спасибо» научили говорить.

ВАДИК. Я же тихо вчера пришёл... наверное. Смотри вон, как одежда разбросана... аккуратно, почти в одном месте всё.

ВАЛЯ. Тихо пришёл. Тихо. Ты же тихий сам по себе... Ладно, всё, вроде, поднимай башку свою пустую.

Вадик поднимает голову. Садится на кровати. Через секунду убегает.

Валя берёт подушку в руки, рассматривает кровавое пятно, бросает на пол рядом с «аккуратно» разбросанной одеждой. Кажется, она вот-вот расплачется.

Нет. Сидит Валя. Сдерживается.

Быстрые шлепки босых ног по линолеуму. Вадик запрыгивает под одеяло.

ВАДИК. Как заново родился, Валь.

ВАЛЯ. Чё ты залез-то? Собирайся, вали давай, пока малой не проснулся.

ВАДИК. Мне плохо, Валь.

ВАЛЯ. Давай без этого, ладно?

Валя встаёт, поднимает с пола одежду, протягивает Вадиду.

ВАДИК. А время сколько? А то я часы... того...

ВАЛЯ. Пол пятого где-то.

ВАДИК. Ого! Может покемарим ещё?

ВАЛЯ. Собирайся, я сказала, скотина бессовестная.

ВАДИК. Ладно тебе, малой опять, наверное, «рубился» пол ночи, так до обеда будет спать.

ВАЛЯ. Не твоё дело, да, сколько он и чего? Собирайся, и уматывай.

Вадик встаёт, берёт из рук Вали свою одежду. Рассматривает.

ВАДИК. Слушай, дай шмоток каких – всё в крови.

ВАЛЯ. Что я тебе дам?..

Через паузу Валя открывает шкаф, копается в нём.

ВАЛЯ. На вот – малого майка, налезет, думаю.

ВАДИК. Ого, он вымахал так уже, да?

ВАЛЯ. Вадим, не он вымахал, а ты маленький. Развелись четыре месяца назад, как бы он вымахал тебе, баран? Собирайся.

ВАДИК. Ну да, да...

Вадим какое-то время мнёт майку в руках.

ВАДИК. Ты хоть спросила бы, что случилось, Валь... Не по-человечески как-то.

ВАЛЯ. Я спрашивала... Что случилось с тобой?

ВАДИК. Говорю же, пошёл на работу устраиваться. Алименты хочу, чтобы у вас там, всё как у людей, в общем...

ВАЛЯ. Нормальные люди не разводятся. Не доводят до такого.

ВАДИК. Ну так и не разводилась бы, чё ты?

ВАЛЯ (*резко*). Я бы тебя задушила сейчас, понял?.. Понял, спрашиваю?

ВАЛДИК. Понял.

ВАЛЯ. Дальше.

ВАДИК. Пошёл устраиваться охранником, в общем. Не ржи, блин, Валя. В магазин пошёл устраиваться. Там, в общем, нормально: камеры, экраны как в NASA в центре управления. Мне там, короче, говорят, что, мол, умеешь делать, где работал, где служил. Я говорю, мол, работал там-то, служил там-то.

ВАЛЯ. Что «там-то», ты же не служил!

ВАДИК. Приукрасил... В общем, меня уже почти взяли, а тут этот заходит, со двора нашего, с детства – Рельс. О, говорит, Вафля, чё ты тут делаешь, «сникерс» что ли стырил?

ВАЛЯ. Чё за погоняла у вас были – Вафля, Рельс?

ВАДИК. ...Я вафли просто любил...

ВАЛЯ. А он рельсы?.. Дальше чё?

ВАДИК. Ну там, слово за слово. А Рельс такой говорит этому, что меня на работу брал, начальнику, видимо, говорит, типа, не бери его, он – дрыщ. Ну я спорить...

ВАЛЯ. Из-за чего?

ВАДИК (*после паузы*). Ты, Валь, прям бессердечная стала, ну ты за кого болеешь, за Рельса этого, что ли? Короче, я взял гирию, в углу у них стояла, я просто показать хотел, и... 180 литров аквариум у них, прикинь...

ВАЛЯ. Во, бля, ты дурный...

ВАДИК. Да я ж не специально. Вышло так... штаны, может, ещё дашь, какие-нибудь?

Вадик в футболке, которая ему явно маловата, в трусах и носках.

ВАЛЯ. Так иди. (*смеётся*)

ВАДИК. Ну, Валь.

Валя снова лезет в шкаф, замирает, о чем-то думает, достаёт брюки, кидает Вадиду.

ВАДИК. Валь, штаны новые... новые штаны... Валь, ты прям... новые штаны... ты мне, что ли, покупала, Валь? Мне, что ли? Ещё как до этого, до развода?

ВАЛЯ (*после паузы*). Со жмура штаны... привезли костюм на жмура, а потом сказали, что в закрытом гробу хоронить будут – ковид... не смотри, самой тошно... (*резко*) денег нет ни хрена, у малого выпускной, я тебе что?..

Вадик садится на кровать. Молчат. Через какое-то время и Валя садится на кровать.

И снова молчат. Наливаются слезами. Оба. Молча.

ВАДИК. Так матиться хочется, ёб...

ВАЛЯ. Ага... Матись, что уж...

ВАДИК. Ты ж запретила в доме, ребёнок же у нас.

ВАЛЯ. А ты всё слушаешься, Вадик-Вадик...

Снова молчат. А слезы всё подступают, подступают и, выплёскиваются.

ВАДИК. Ты знаешь, в Большой Советской Энциклопедии нет ни одного слова начинающегося с «еб», представляешь...

ВАЛЯ. Ебобо, Ебобо, Ебобошенька...

ВАДИК. Пусть такой, но прости меня, Боженька...

Их головы медленно соединяются, и голова Вали даже успеваеет коснуться плеча Вадика.

ВАЛЯ. Так, всё, иди давай. (*Вадик сидит*) Давай вали, я сказала!

ВАДИК. Ага, надо... Ладно... не плачь, Валь... ага...

ВАЛЯ. Тихо только в коридоре будь. Не плачу. Малого не разбуди.

ВАДИК. Я помню, помню... Валь, я это... я достану, я сделаю всё ... всё достану...

ВАЛЯ. Не обещай. Просто штаны верни в нормальном состоянии.

ВАДИК. А я всё же... я всё же, Валь...

Вадик тихонько выходит из комнаты. Через какое-то время слышно, как щёлкает замок.

ВАЛЯ. Скотина... самый настоящий...

Валя остаётся одна. Она сидит какое-то время без движения, а затем снова начинает тихонько плакать. Серая рябь телевизора отчётливо отражается на её щеках.

3.

Вадик на съёмной квартире. Он в трусах и майке с утюгом в руках стоит у гладильной доски. На ней лежат брюки. Вадик аккуратно гладит их, зачем-то иногда присаживаясь на корточки, будто используя свои глаза как строительный уровень.

В квартиру вваливается ЗойМихална, при своей комплекции просто войти она не может, поэтому вваливается. Шумно. И шумно дышит. И шумно ставя на пол большие тряпичные сумки. Говорит тоже шумно. Потому что добрая.

ЗОЙМИХАЛНА. Вот хотела ведь, когда квартиру эту получала, вытянуть первый этаж. Мы ключи тянули кому какой этаж. А закинуло на четвёртый. Пока поднимешься, так семь потов сойдёт. Во, меж грудей аж течёт... Семьдесят шестой – явно не мой год был...

ЗойМихална теребит блузку обдувая огромную грудь. Вадик невольно жмётся, ему не удобно в трусах. Совсем не удобно.

ВАДИК. ЗойМихална, я же просил предупредить, если вы вдруг приедете.

ЗОЙМИХАЛНА. А у меня ничего вдруг не бывает. Я всегда все чётко знаю, Вадик. Ладно тебе, что я мужика в трусах не видела думаешь? Видела. И давай-ка мы с тобой этот вопрос закроем – квартира-то моя, когда хочу, тогда и прихожу. Не прожги.

Вадик спохватывается, продолжает гладить.

ВАДИК. Но предупредить-то можно. Чтобы я, хотя бы... не в трусах.

ЗОЙМИХАЛНА. Я кто, Вадик?

ВАДИК. Согласен, да-да, вы хозяйка квар...

ЗОЙМИХАЛНА. Нет, не про это я. Я кто, Вадик?

ВАДИК. А... можно Вадим, а?

ЗОЙМИХАЛНА. Кем я, Вадик, всю жизнь (тьфу, етить, аж вспоминать не хочется), ну, кем я проработала, пропахала кем?

ВАДИК. Эскулапом.

ЗОЙМИХАЛНА. Ты дурный? А-ну, иди, выплюнь слово это. Ты строй призывников видел когда-нибудь? Ну конечно ж видел. Врач я, Вадик. Вот такой вот кабинет, как эта комната, и мы сидим по периметру, и два раза в год, каждый год, каждый Божий год в руке у меня зеркало гортанное, и я напротив хирурга сижу, и жопа, жопа, жопа, жопа, жопа белая, жопа синяя. Нахрена он их всех заставлял до колена трусы спускать? Ну до сих пор бесит. Так что ты не тушуйся, что в трусах. Не без же. Сейчас вот брюки доутюжишь, и совсем человеком станешь.

ВАДИК. Да я и так, вроде.

ЗОЙМИХАЛНА. Да я шучу, Вадик. Человек ты, человек. За голову смотрю взялся?

ВАДИК. А?

ЗОЙМИХАЛНА. Ну раз брюки гладишь, так, может, к жене собрался назад?

ВАДИК *(после паузы)*. Нет.

ЗОЙМИХАЛНА. И правильно, сначала работу найди, как-то подтянись, что ли, чтобы не с пустыми руками и головой к Вале возвращаться. Надо принцем, принцем, Вадик! Не с голой жопой, тьфу, да что ж они лезут в голову-то. Ну, ты меня понял. Валька хорошая у тебя, я из-за неё тебя жить пустила.

ВАДИК. Вы говорили уже... постоянно.

ЗОЙМИХАЛНА. Ну, напомнить лишний раз – не лишнее. Где мне урну взять?

ВАДИК *(после паузы)*. У вас умер кто-то?

ЗОЙМИХАЛНА. Что?.. Тьфу на тебя. Умер. Гадюка эта, Иосифовна, опять выкаблучивается. Сын её, боров, припёр ей урну, представляешь? Так она её перед калиткой выставила, у нас прям не садовое товарищество, а парк культуры и отдыха. Я вот всё как иду, так и плюну... в урну. Вот... себе такую хочу, и я выкаблучиваться люблю, как говорят, что я себе урну позволить не могу?

ВАДИК. Можете.

ЗОЙМИХАЛНА. Не могу. Нету их. Нигде нету. Весь город с утра переколесила – нету. Может, в ЖЭСе кто за бутылку отдаст думала. Сунулась, а и там нету.

ВАДИК. А Иосифовна ваша, точнее, сын, где взял?

ЗОЙМИХАЛНА. Сын её – вор. Зарабатывает.

ВАДИК. Так если зарабатывает, какой же вор?

ЗОЙМИХАЛНА. Вот, что ты начинаешь? Ты не зарабатываешь – ты не вор. Я не зарабатываю – я не вор. Что у меня есть? Я от хорошей жизни на даче круглогодично живу? Просто так, да? На баллоне жрать варю, им же и греюсь. Вода холодная, канализация местная.

ВАДИК. Мы пьём чай в старых квартирах, ждём лета в старых квартирах. В старых квартирах, где есть свет, газ, телефон, горячая вода, радиоточка, пол – паркет, санузел отдельный, дом кирпичный. Одна семья, две семьи, три семьи... Много подсобных...

ЗОЙМИХАЛНА. Ты чего это?

ВАДИК. Это Цой. Виктор Цой, песня «Бошетунмай», типа, «не продаваться» на китайском.

ЗОЙМИХАЛНА. И правильно. Это сейчас важно очень, чтобы «не продаваться», потому что купят, в раз купят. Всё они, деньги, сейчас решают. Ты, кстати, когда заплатишь?

ВАДИК. ЗойМихална...

ЗОЙМИХАЛНА. Третий месяц уже...

ВАДИК. ЗойМихална...

ЗОЙМИХАЛНА. Третий.

ВАДИК. Да, я знаю, простите, но что-то никак совсем. Я по жировке всё оплачиваю, были пенёнызы кое-какие, я квитанции сейчас найду вам...

ЗОЙМИХАЛНА. Не надо. Верю, что... понимаю... Вот скажи ты мне, Вадик, вот кто бы тебя так понял как я?

ВАДИК. Не знаю... спасибо вам, ЗойМихална.

ЗОЙМИХАЛНА. Только голый голого поймёт. Вот ведь как. Но расписку мне напиши.

Небольшая пауза для замешательства.

ВАДИК. Напишу, вы простите ещё раз, что я...

ЗОЙМИХАЛНА. Ты не извиняйся, расписку пиши. Нету больше веры никому. Сказала, гадюка, в строительном урны есть, мол, сын в строительном брал. А там – шиш.

ВАДИК. Хотите я поищу?

ЗОЙМИХАЛНА. Ты расписку напиши, что за три месяца денег должен. Бери вот, лист, ручку, и пиши.

ЗойМихална идёт к комоду, достаёт оттуда необходимое, отдаёт Вадиду.

ВАДИК. Я вчера попробовал на работу устроиться... голову разбили, представляете. Во.

Вадик поворачивается затылком к ЗойМихалне, затем начинает писать.

ЗойМихална обходит Вадика, рассматривает.

ЗОЙМИХАЛНА. Ох. Зашить надо.

ВАДИК. Да, вроде, затянулось. Нормально. Что писать?

ЗОЙМИХАЛНА. Звери вокруг, звери. Пиши, я такой-то-такой-то... Тебя, может, перевязать хоть?

ВАДИК. Да нормально всё, нормально, ЗойМихална, голова только болит. Дальше что?

ЗОЙМИХАЛНА. Таблетку дам сейчас. Ну, что дальше... обязуюсь выплатить задолженность по квартире за три месяца, период можешь указать. И на будущее, на кухне возле радио аптечка висит, над холодильником. Там что-нибудь всегда найдёшь.

ВАДИК. Ну, я надеюсь такого будущего у меня не будет. Подпись, число. Вот, кажется, написал.

ЗойМихална берёт бумагу, читает.

ЗОЙМИХАЛНА. А паспортные данные где?

ВАДИК. Так это...

ЗОЙМИХАЛНА. Без разговоров. Порядок должен быть порядком. Так что давай пиши. Серия, номер паспорта, кем выдан и так далее...

Пауза. Вадик идёт, роется в карманах, достаёт паспорт.

ЗойМихална перехватывает его, рассматривает.

ЗОЙМИХАЛНА (смеясь). Ты младше Вальки, что ли?

ВАДИК. На два года.

ЗОЙМИХАЛНА. Мамкину титьку ты искал, а не жену.

ВАДИК. Чего это?

ЗОЙМИХАЛНА. Говорят так, когда муж младше бабы, что он мать себе искал, замещал, так сказать. Ладно, пусть у меня побудет.

ВАДИК. А как я без паспорта?

ЗОЙМИХАЛНА. А ты им часто пользуешься? Вон новенький какой.

ВАДИК. Он и должен быть новенький, это же документ. Как я без паспорта, ЗойМихална, меня ни на работу не возьмут, ни кредит.

ЗОЙМИХАЛНА. Ага, тебе ещё и кредит, совсем сбрендил? Ты, Вадик, не это, не бошетунмай – не продавайся. И верь немножко людям, надо верить, без этого никак.

ВАДИК. Да я верю, только поверят ли мне, ну действительно, ну как я без паспорта?

ЗОЙМИХАЛНА. Нормально. Как многие... в 18 году, после революции, вообще паспорта отменили, до 32 года аж, представляешь?

ВАДИК. Ну так не 18 год же, ЗойМихална? Больше ста лет прошло...

ЗОЙМИХАЛНА. Не 18, согласна. Но и люди другие. Будешь на работу устраиваться, так скажи всё как есть, тебя из жалости возьмут.

ВАДИК. Ну что вы издеваетесь?

ЗОЙМИХАЛНА. А как с тобой по-другому?.. Я не издеваюсь, Вадик, я тебя стимулирую на действия.

ВАДИК. Вы серьёзно?

ЗОЙМИХАЛНА. Нет. Пойду ксерокопию сделаю.

ЗойМихална улыбается, идёт к двери.

ВАДИК. А я уже было подумал, что вы того...

ЗОЙМИХАЛНА (после паузы). А на ночь она её убирает... урну-то... дурость какая-то, каждое утро урну к калитке выносить, а вечером заносить. Гретта Тунберг, тьфу...

4.

ИЛЬЯ. И вот «Вадика», они обречены, понимаешь, обречены на такую жизнь...

Пауза. Вадик качает ногой урну у подъезда. Илья сидит на спинке лавочки.

ВАДИК. Чё, прямо вот так и сказала?

ИЛЬЯ. Ну, она ж у меня астролог, карты Таро там, свечки. Вон сказала, что доллар скаканёт, и скаканул!

ВАДИК. Илья... Может, ей это... молчать тогда уже...

ИЛЬЯ. Ещё говорит, что тебе надо «дорогу открыть» – почиститься там, потому что череда неудач никуда не исчезнет, наоборот, она по экспоненте будет ползти.

ВАДИК. По чём?

ИЛЬЯ. Ну... говорится так, по экспоненте... под откос, короче.

ВАДИК. Куда уж дальше?..

ИЛЬЯ. Потом моя сказала, что тебе нужно на кладбище там съездить, и у какой-нибудь там неизвестной могилы... ай, ладно, я что-то не очень верю, что прокатит.

ВАДИК. У неизвестной могилы что? Договаривай.

ИЛЬЯ. В общем жертвоприношение совершить, кошку там, или птицу, херак-с там, башку отрубил, и сразу в храм ехать.

ВАДИК. Ладно... я пойду, наверное.

ИЛЬЯ. А чё приходил-то?

ВАДИК *(помявшись)*. Ты мне денег не займёшь?

ИЛЬЯ. Не, не займу. А ты?

ВАДИК. И я... Может, работа какая есть?

ИЛЬЯ *(показывая на голову)*. Тебе не хватило, что ли?

ВАДИК. Очень смешно. Реально, может, есть что, надо... очень.

ИЛЬЯ. Ну, давай придумаем.

ВАДИК. А варианты есть?

ИЛЬЯ. Варианты всегда есть, только прок от них тебе, если ты не почистишься. Понимаешь? Вот почистишься там, дорогу откроешь, тогда за что-то и берись, а так толку нет совсем.

ВАДИК. Так поговори со своей, пусть меня почистит.

ИЛЬЯ. Уже.

ВАДИК. Круто.

ИЛЬЯ. Штука.

ВАДИК. Что штука?

ИЛЬЯ. Понимаешь какая штука, Вадик, за такую штуку как почиститься, надо заплатить. Штуку. Вот такая штука.

ВАДИК. Юморист. Может, это... ну как-то... в рассрочку?... Не?

ИЛЬЯ. Не.

ВАДИК. Ну знаешь, не по-свойски это как-то...

ИЛЬЯ. По-свойски – это там, дорогой мой, жаркое, или сковородка «по-свойски», с кровяночкой, там. А моя на себя всю твою негативную энергию берёт, понимаешь?

ВАДИК *(после паузы)*. Понимаю. *(и ещё пауза)* Слушай, здорово она тебя пилит, да?

ИЛЬЯ. Чё это?

ВАДИК. Ну, если она на себя энергию берет, её же куда-то сбрасывать надо, а ты вон...

ИЛЬЯ. Что?

ВАДИК. Да нет, я ничего, так просто... Денег надо, Илюха, вот прямо вот так надо *(показывает рукой в районе шеи)*. С хатой как-нибудь разберусь, а малому вот, это писос, я даже не знаю...

ИЛЬЯ. А чё малому? Чё случилось? Вроде ж норм всё, вон бегают вечно под магазином, трутся там с пацанами.

ВАДИК. Костюм ему на выпускной надо, девятый класс.

ИЛЬЯ. Чё он как лох в костюме будет, кто сейчас в костюме, они же там, все кеды какие-то, чинос там, хаки.

Вадик мнётся, качает ногой урну, думает что-то про себя.

ВАДИК. Не, надо как человек.

ИЛЬЯ. Что ты к урне этой пристал?

ВАДИК. Хозяйке надо. Говорит, соседке по даче сын привёз, так и она зажглась.

ИЛЬЯ. А ты там при чём?

ВАДИК. Я ей за три месяца должен. Расписку заставила написать, паспорт забрала, сказала, что пойдёт отксерит, а сама... короче, думаю, может, её урной задобрить, так она паспорт вернёт, хоть на работу будет шанс устроиться.

ИЛЬЯ. По башке её урной задобри. Да-а-а, у всех напряги местами... Если ваще край, так давай я тебе работу подкину, будешь ездить пару раз в неделю, свёрток забрал – свёрток привёз – бабки получил – чилишь (*смеётся*) или чалишь, тьфу-тьфу-тьфу.

ВАДИК. Спасибо, Илья. В тюрьму пока не хочу.

ИЛЬЯ. Никто не хочет. Но это бабки. Живые. Если б опасно было, я бы, что, по-твоему, мужа сестры подставлял там, или что? Мы ж родственники там, ё-моё.

ВАДИК. Не, всё равно не хочу.

ИЛЬЯ. Почистишься, так всё нормализуется, это я тебе как пить дать говорю. Моя не врёт... (*замечает кого-то в стороне*) ща, погоду, помолчим.

Появляется Рельс.

РЕЛЬС (*не подавая руки*). Здорово. Вы чё, знакомы?

ИЛЬЯ. Здорово, Рельс. Шарик маленький, как говорится, шарик маленький.

РЕЛЬС (*Вадику*). Как башка?

ИЛЬЯ. Шарик маленький. (*ржёт*)

РЕЛЬС (*Вадику*). Я не извиняюсь, если что. Нас на бабки поставили за аквариум, и ещё кой-за что. (*Илье*) Время идёт, пошли отойдём.

ИЛЬЯ. Да все свои.

РЕЛЬС. Для тебя свои. Пошли, я сказал.

Рельс и Илья заходят в подъезд. Вадик качает ногой урну пытаюсь незаметно нажать на неё – проверить крепко ли закреплена. Из подъезда слышится какая-то возня, удары. Вадик идёт к подъезду, но ему на встречу выходит Рельс преграждая дорогу грудью.

РЕЛЬС. Спокойно будь.

ВАДИК. Я спокоен.

РЕЛЬС. Ну так и будь. Беги.

ВАДИК. Чё бежать, я так понимаю, драться надо.

РЕЛЬС (*усмехнувшись*). Не твои дела, Вафля.

ВАДИК. Он мне так-то родственник...

Рельс ухмыляется, толкает Вадика в грудь, проходит вперёд, с силой бьёт урну с удара выкорчевав её с основанием. Урна падает. Рельс уходит провожаемый взглядом Вадика. Через какое-то время из подъезда выходит Илья. Садится на спинку лавочки, облизывает разбитую губу, трёт покрасневшееся ухо.

ВАДИК. Мы в одном дворе росли с ним.

ИЛЬЯ. Ваще пофиг.

Молчат.

ВАДИК. Гнида он.

ИЛЬЯ. Не без того. Получит когда-нибудь заточку за ухо...

ВАДИК (после паузы). Денег должен ему?

ИЛЬЯ. Нет. Товар.

ВАДИК. Он же в магазине работает в охране, какой товар?

ИЛЬЯ. Чё ты как маленький? В магазине, в охране там... Банчим в магазине! Через автомат с бахилами. Кому нахрен этот автомат там в магазине нужен думал когда-нибудь? Так вот знай – банчим через автомат, упаковка у бахил удобная, понял. Этим товар нужен, а мои сверху, сначала денег хотят... чёта поменялось там у них... во взаимоотношениях.

ВАДИК. Поменялось у них, а прилетело тебе.

ИЛЬЯ (заводясь). Да, сука, а прилетело мне... Ничё, принесу я ему товар, мы люди не гордые...

ВАДИК. Да какие вы люди...

ИЛЬЯ. Рабочие. Рабочие мы люди, Вадик, по сравнению с тобой, так ещё как рабочие.

ВАДИК. Да что это за работа, людей только...

ИЛЬЯ. Нормальная работа. Завтра в час ночи в дверь вот так постучу (стучит по лавке), а в час ноль одну уже с деньгами домой иду, понял? Вот и вся работа, не пыльная.

Молчат.

ВАДИК. Уроды вы.

ИЛЬЯ. Ну уроды, и чё?

ВАДИК. И ты урод, и он.

ИЛЬЯ. Чё ты хочешь, Вадик?

ВАДИК. Да ничего я не хочу, просто уроды вы, и смертью торгуете.

ИЛЬЯ. О, поехали! Давай, вываливай всё: «Вы убиваете молодёжь», «Ничего святого». По хрену, понял. Приходят и покупают, спрос рождает предложение, понял?

ВАДИК. Тебя ж посадят рано или поздно.

ИЛЬЯ. Кто? Кто меня посадит? Начальник охраны знаешь кто? Вот тебе и ответ, понял? Посадят. Бля, рассмешил... куда всё работает, так никто никого не посадит, надо будет, так позвонят друзьям-товарищам, сослуживцам своим, какие вопросы? Рука руку моет, всё нормально. Так что не волнуйся за меня, Вадик.

ВАДИК. И я не волнуюсь, что-то перестал... вот прямо сейчас перестал волноваться. Только ты понимаешь, что сам же про малого говорил, что он у магазина трётся, что он может в это дело влезть, понимаешь?

ИЛЬЯ. Побалуется, что страшного? Все ж хоть раз пробовали.

Вадик подходит к Илье и несильно, совсем не сильно бьёт его в плечо, а затем, немного подумав, очень сильно в лицо. Илья падает через спинку скамейки на землю.

ВАДИК. Племянник твой, родная кровь. Хорошо, что ты сидел, когда мы его крестили, я бы себе сейчас не простил.

ИЛЬЯ. Слышь...

ВАДИК (очень спокойно). Не надо сейчас ничего говорить. Я вот прям прошу тебя, Илья. Не надо.

Вадик уходит. Затем возвращается, поднимает урну и уносит с собой.

5.

Ночь. Лунный свет из окна выхватывает лежащих на кровати Вадика и Валя. Валя, вытянувшись лежит на боку, она под одеялом. Вадик тоже лежит на боку, без одеяла, в позе эмбриона лежит, и видно, что он явно озяб. Вещи Вадика «аккуратно» разбросаны на полу, у двери в комнату стоит старая урна с подьезда Ильи. Валя крутится во сне, просыпается, садится на кровати, оглядывается, вздрагивает.

ВАЛЯ. Вадик, блин! Чуть сердце не выскочило!

Валя несколько раз бьёт Вадика кулаком в район бедра.

ВАДИК (*просыпаясь*). Я не трогаю, не трогаю, просто смотрю!

ВАЛЯ. Что ты «смотришь», баран?

ВАДИК (*оглядываясь*). А ёшь-моёшь, Валь... сон дурацкий... на проспекте в бутик зашёл, костюм малому смотрел...

ВАЛЯ. Так их надо не во сне смотреть, а в живую. Не ори.

ВАДИК. Да я как-то к этому магазину и подойти боюсь, там одна вывеска, наверное, как самолёт стоит.

ВАЛЯ. Не ори, говорю, смотритель. Ты какого чёрта опять тут?

Вадик какое-то время молчит.

ВАЛЯ. Ты оглох, или онемел, или всё сразу?

ВАДИК. Я это, Валь... не помню, в общем, как я тут оказался. Наверное, здорово меня по голове... того... ну, клянусь не помню...

ВАЛЯ. А ЗойМихална помнишь где живёт?

ВАДИК. Помню.

ВАЛЯ. Ну так шуруй.

ВАДИК. Ну что ты так сразу...

ВАЛЯ. А что, подождать пока ты костюм выберешь? Так ты же его из сна сюда – в явь-то, как передашь?

ВАДИК (*через паузу*). Ты серьёзно сейчас?

ВАЛЯ. Совсем уже ебобо, а? Блин, как я без задних ног так обрубилась, что не услышала, как ты пришёл? На работе «жах» просто, как ломовая лошадь, и тут вторую ночь без сна... проснулась, блин, пописать...

Валя встаёт, идёт к двери, замечает стоящую рядом урну.

ВАЛЯ. Иисус Мария! (*обернувшись в дверях*) Я вернусь, я тебе устрою, блин...

Вадик остаётся один. Какое-то время молчит.

ВАДИК. А что я ей скажу... ну, урна, как... урна...

Какое-то время Вадик смотрит на урну, затем встаёт, вешает на неё свою «аккуратно» разбросанную одежду, как бы прикрывая ей урну. Ложится, накрывается сам.

Тяжёлые удары пяток по линолеуму. Валя возвращается. Стремительно. Резко садится на кровать, так, что Вадик произвольно встаёт. Долгая пауза.

Валя сидя на кровати медленно сбрасывает вещи с урны на пол.

ВАДИК. Это... урна.

ВАЛЯ. Я, Вадим, если ты помнишь, я в морге работаю, и я тебе клянусь, я человека могу разделить за десять минут. Такого как ты – за четыре.

ВАДИК. Валь, я правда не помню, как я сюда пришёл...

Долгая пауза. Валя сидит к Вадиму спиной, прячет слезы.

ВАЛЯ. Тебя спасать надо, спасать... постричь надо уже... и спасать, Вадик. Ты хоть жрёшь?

ВАДИК. Жру, Валя.

ВАЛЯ. Да что ты врёшь мне, неумека ты, даже врать не научился, седина скоро!

ВАДИК. Уже ж... помнишь, ты нашла у меня седой, из мочки, одинокий такой... вырос...

ВАЛЯ *(с болью)*. Ебобо...

ВАДИК. Ебобо, Ебобошенька, пусть такой, но прости меня, Боженька. Я, Валя, урну эту для ЗойМихалны несу, ей на дачу надо, у неё там с Иосифовной вражда – жуть... Хочется, чтоб победила.

ВАЛЯ. Вот ты всё для людей, всё, а для себя когда? Для нас... *(Валя, будто погружается в свои мысли, и какое-то время не слышит ответов Вадика)* Да чёрт бы со мной, для малого. Ты б подумал, когда, а? Я захлёбываюсь уже от этого всего, понимаешь? Голова кругом... У малого день рождения...

ВАДИК *(тихонько перебивая)*. 14 мая 2005 года. В 10:10.

ВАЛЯ. Через два дня. Надо и одноклассников угостить, и ему что-то. Ты брюки принёс, кстати?

ВАДИК. В процессе.

ВАЛЯ. Они же сейчас после 9-ого класса кто куда, кто в шарагу, кто в лицей, наш в школе пусть доучивается, но ему же сейчас надо, чтобы с друзьями как-то, и чтобы не оборвышем. Курить вон стал, я же запах чувствую. Себя вспомни, тоже, наверное, с пацанами своими не разлей вода были, с Рельсом этим своим.

ВАДИК. Ну, с Рельсом... *(затихает сам, в Валя всё продолжает в своих мыслях)*

ВАЛЯ. Надо, чтоб не стыдно ему было... за нас, понимаешь? Что мы у него такие... никакие. Чтобы он не стыдился. Не просто понимал, что у нас сейчас возможности нет, а вот, чтобы потом, потом, в жизни у него не было стыда этого. Он сейчас так впитывает всё, и всё ему хочется, и пойти, и там с друзьями, сидят же вечно под магазином, у этого автомата с жвачкой, покуривают иногда, но не пьют же, я точно знаю... сидят, и им же друг перед другом... у кого телефон там новый, или колонка эта к телефону. Ему же тоже хочется, и мне вот главное, понимаешь, главное, чтобы в нём этот стыд не воспитался, не вырос чтобы стыд, что он – какой-то лошпёк, потому что мы с тобой лошкй. Вот я о чём думаю постоянно. Чтобы он человеком, сильным чтобы, уверенным стал...

ВАДИК. Валь, я что могу, я готов на всё, ты же знаешь. Ты скажи, Валь, что мне сделать? Я за вас готов в лепёшку расшибиться.

ВАЛЯ. Расшибся уже – не помнишь ни хрена. Не знаю я. Не знаю... мне не дадут уже, а ты, Вадик, может микрозайм возьми, пока я до зарплаты? Колонку ему купим эту.

ВАДИК. Не могу сейчас микрозайм.

ВАЛЯ *(спокойно)*. Ну вон иди тогда.

ВАДИК. Серьёзно не могу, Валь, честно.

ВАЛЯ (*спокойно*). Ну иди тогда вон.

ВАДИК. Валь, я прям честно-причестно...

ВАЛЯ (*спокойно*). Давай вали. Всё, считай поговорили.

ВАДИК. ЗойМихална паспорт забрала.

ВАЛЯ (*спокойно*). Научился врать всё-таки.

ВАДИК. Да я как на духу, Валь, я же вот и хотел урной её задобрить.

ВАЛЯ. По башке тебя надо этой урной задобрить.

ВАДИК. Ты прям как Илья говоришь...

ВАЛЯ. Ты реально думаешь, что я вот в этот паспорт поверю, Вадик?

ВАДИК. Я за три месяца ей не заплатил, вам всё старался отдавать.

ВАЛЯ. А жировку?

ВАДИК. Ну, жировку святое.

ВАЛЯ. Хоть чему-то тебя научила. А как же она без денег, у неё ж пенсия врачебная, Вадик, ты подумал?

ВАДИК. Ты вот меня упрекала, что я для людей всё, а сама...

ВАЛЯ. И сама. Михална – божий человек... В кого мы такие, Вадик?

ВАДИК. Ну, в Бога значит.

ВАЛЯ. Чего ж мелочиться, правильно, в Бога. В какого Бога? В Локи?

ВАДИК. Это кто?

ВАЛЯ. У скандинавов зловредный такой Бог – Локи зовут. Начинал с шалостей и проказ, как про паспорт, но со временем стал истинным воплощением зла и ускорил Рагнарёк. Это гибель Богов и всего мира, чтобы ты не переспрашивал. Ключи оставь.

ВАДИК. Я про паспорт правду тебе...

ВАЛЯ. Ключи оставь и иди.

ВАДИК. Валь...

ВАЛЯ. Ключи оставь, чтобы я больше с тобой не просыпалась!

ВАДИК. Чего ты кричишь, малого разбудишь.

ВАЛЯ. Нет малого, у одноклассника ночует. Ключи.

Вадик идёт к вещам, шарит по карманам, кладёт ключи на кровать рядом с Валею.

ВАЛЯ. Одевайся и уматывай.

ВАДИК (*одеваясь, через паузу*). А что он у одноклассника забыл?

ВАЛЯ. Ты что у друзей никогда не ночевал?

ВАДИК. Ночевал, но это другое.

Пауза. Вадик продолжает одеваться.

ВАДИК. Просто странно это всё.

ВАЛЯ. Что тебе странно?

ВАДИК. Всё. И ночёвки эти, и, что у магазина шарится с пацанами. Ты знаешь, что Илья в магазине... это самое...

ВАЛЯ. Что Илья в магазине это самое? Банчит?

ВАДИК. Да.

ВАЛЯ. Знаю. Слепой только не знает, но ему, наверное, рассказывали.

ВАДИК (*через паузу*). И что думаешь?

ВАЛЯ. Страшно, что ж мне ещё думать? Только, что я ему могу сказать? Сынок ты смотри мне там наркотики ни-ни? Своя ж башка, наверное, есть, понимает же?

ВАДИК. Думаешь?

ВАЛЯ. Ну, на тебя глядя – не уверена, гены пальцем не задавишь. Собрался?

ВАДИК (*помявшись на месте*). Валь... Я сказать тебе хотел...

Валя резко ложится на кровать, накрываясь с головой одеялом.

ВАДИК. Прости... Прости меня...

Вадик незаметно берет ключи с кровати, затем урну, выходит из комнаты. Через какое-то время слышно, как щёлкает замок. Одеяло мелко сотрясается от Валиного плача.

б.

Вадик на съёмной квартире. Он сидит на старой тахте, и задумчиво смотрит на перекрашенную сотни раз урну, стоящую у его ног. Вадик толкает её рукой, и та начинает качаться и скрипеть.

ВАДИК. Как моя жизнь, ёшь-моёшь... скрипишь, как моя жизнь... как колёсики у бомжа на тележке... скрип-скрип, скрип-скрип, скрип-скрип, а потом один раз так: «скрип», и всё... остановились. И волочёт бомж уже тележку с застопорившимися колёсиками, и волочёт, и волочёт, а сам не замечает, что колёсики уже не того... только бороздки на земле остаются. Глубокие.

Толкает урну ещё раз.

ВАДИК. Развёлся – скрип, и бороздка... Или, с работы выгнали – скрип, и бороздка. Обманул, смалодушничал – скрип... если понимаешь это внутри, конечно.

С силой бьёт по урне, та гулко отзывается, скрипит.

ВАДИК. Сделать ничего не можешь, и бороздка, бороздка, бороздень! (*бьёт*) Ничего сделать не можешь. И осознать этого не можешь, потому что не бомж ты с тележкой, а колёсико это сраное, которое ни вперёд, ни назад уже не крутится. И вокруг такие же колёсики. Валя уже не едет, уже не скрипит даже, Валя моя. И ЗойМихална много лет как бороздки на дачном участке проделывает. Илья... да он и не ехал никогда. И ты вместе с ними – скрип-скрип, и всё?.. Нет, надо до конца доскрипеть, за них надо, раз один среди всех остался. Последнее колёсико противнее всех скрипит, но надо, Вадик, ради малого, ради Вальки, надо что-то придумать...

Вадик встаёт, прохаживается по комнате, смотрит на урну.

ВАДИК. А то набьют малого дерьмом всяким, вон, как урну. Собственный дядька набьёт, и не посмотрит. Ему-то плевать... и мне плевать должно быть, во как! Во как я понял сейчас, во как я ощутил. Вадик, и мне плевать должно быть, правда?! И мне плевать! Плевать на всё это, на всех плевать!

Вадик ходит, затем садится на тахту, но через мгновение вскакивает.

ВАДИК. Не сидеть! Не расслабляться! Накачивай себя, накачивай! (*делает несколько шагов, словно боксёр*) Всем им покажем! Вадики им обречены! Ага! Карму им, блин, почистить! Ха! Вадики вам ещё знаете, как покажут! Вадики вам ещё устроят... так, сколько время? (*смотрит на часы*) и часы новые куплю, чего уж там, и на часы хватит.

Достаёт мобильный, смотрит который час. Роемся в вещах, быстро одевается.

ВАДИК. Как раз... главное, до Ильи успеть. Ох как меня, ох как я ощутил! Переверну мир этот нахрен. Сегодня, сейчас. (*снова делает несколько шагов, словно боксёр*) Тварь ли я дрожащая или... посидеть на дорожку надо.

Садится на тахту, но через мгновение вскакивает.

ВАДИК (*гулко выдыхает*). Готов, блин! Всё! Вперёд! (*резко садится*) А если... не, ни фига, (*вскакивает*) теперь уже ни фига!

7.

Массивная железная дверь чёрного входа в магазин. На стене видеокамера. Рядом с мусорными контейнерами мусор. В углу лужа. Всё логично. Из-за угла появляется Вадик, на голове капюшон, видно, что нервничает. Он проскакивает под висящую на стене камеру, оглядывается, затем смотрит на неё. Несколько раз подпрыгивает, пытаясь сорвать, но роста не хватает, и он только немного сдвигает её в сторону.

Вадик поворачивается к мусорным бакам, хватает ближайший контейнер в надежде передвинуть его, чтобы достать камеру, но одёргивает руки, чертыхается, рассматривает кисти рук, и брезгливая гримаса появляется на его лице. Вадик вытирает руки о стену, попутно понимая, что вступил в лужу, уже не чертыхается, а матерится.

Подумав несколько секунд, Вадик поправляет капюшон, снова оглядывается на висящую камеру, затем снимает часы, надевает их как кастет, и резко поднимается по ступенькам к двери. Стоит несколько секунд, дышит. Заносит руку к двери, но останавливается. Снимает часы. Стучит в дверь таким же стуком, как Илья стучал по лавке, через секунду показывает приветственный жест рукой в сторону камеры, мнётся, а затем отходит за дверь, и снова надевает часы как кастет.

Со стороны улицы слышится стук женских каблуков.

Вадик испуганно оглядывается в сторону шума, и из-за угла появляется Девушка.

ВАДИК (*шипит*). Стой, камера!

От такой неожиданности Девушка останавливается.

Замок массивной железной двери проворачивается, и на площадку выходит Рельс со свёртком в руках. Замечает Девушку.

РЕЛЬС. А, это ты, я думал...

Спрятавшийся за дверь Вадик в каком-то странном прыжке бьёт Рельса в голову, тот падает навзничь, скатываясь со ступенек почти под ноги Девушке. Свёрток выпадает из его руки.

От такой неожиданности Девушка кричит.

Вадик бросается к телу Рельса, чтобы поднять свёрток, но...

ДЕВУШКА. Хватит, хватит...

Девушка хватая нагнувшегося Вадика за руку, пытается оттянуть его от тела Рельса.

ДЕВУШКА. Убьёшь...

Девушка с силой тянет Вадика за руку, пытается схватить его со спины заблокировав руки, и Вадика ничего не остаётся, он разворачивается, резко обхватывает её одной рукой, а второй зажимает ей рот. Вадик утаскивает Девушку в темноту.

Свёрток так и остаётся лежать у неподвижного тела Рельса.

8.

На съёмной квартире Вадик и Девушка сидят на старой тахте.

ВАДИК. Закипел, наверное.

Вадик встаёт, идёт на кухню. Движения его какие-то механические оттого, что Вадик напуган и зажат. Девушка тоже сидит не шелохнувшись, держит спину ровно, руки на коленях, иногда шмыгает носом. Через какое-то время Вадик приносит две кружки, ставит на журнальный столик.

ВАДИК. Меня Вадик... м. Вадим зовут.

ДЕВУШКА. Марина.

ВАДИК. Марина?

МАРИНА. Да, что тут такого?

ВАДИК. Ничего. Просто... удивительно.

МАРИНА. Что тут удивительного?

Вадик молчит. Молчит и Марина. Трогают кружки – горячие.

ВАДИК. Ты мне веришь?

МАРИНА. Нет оснований не верить. Верю.

ВАДИК. Вот так просто?

МАРИНА. Я не доверчивая, а открытая. Разницу, надеюсь, понимаешь. Только я сначала подумала, что ты мстить им пришёл... и ещё страшно было, когда ты меня тянул.

ВАДИК. Говорю же, там камера просто... извини, я не со зла.

МАРИНА. «Я не из таких».

ВАДИК. Что?

МАРИНА. Ты так в прошлый раз сказал: «Я не из таких». Я тебе и тогда поверила. Но, что ты мне про наркотики сейчас рассказал... да и про всё остальное... Ничему не удивляюсь. Надо увольняться... на второй рабочий день, всё равно я его прогуляла.

ВАДИК. Что вообще за работа в час ночи, магазин же закрыт?

МАРИНА. Ночная инвентаризация. Я, когда тебя избили, тоже на собеседование шла, только не в охрану, как понимаешь. Я управленец по образованию.

ВАДИК. Так и звучит – управленец?

МАРИНА. Почти. Управление персоналом.

ВАДИК. Сколько тебе лет?

МАРИНА. Двадцать три.

ВАДИК. Ого!

МАРИНА. Что «ого»?

ВАДИК (после паузы). Не знаю... В двадцать три и «управление персоналом» ...

МАРИНА. А, поняла. Ты из этих: «надо жизненный опыт», «сопляки», «выскочки малолетние», эйджизм, короче, и все дела.

ВАДИК. Я вообще не из каких. «Эйджизм» ... дискриминация человека на основании его возраста, семь букв. Видишь, готовился я на охранника, все кроссворды наизусть.

МАРИНА. Что думаешь теперь делать?

ВАДИК. Не знаю... в милицию надо идти, сдаваться...

МАРИНА. Дурак, что ли?

ВАДИК. Ну, как-то так... что-то среднее между дураком и неудачником. И имя ещё это... у тебя есть знакомые Вадика, чтобы у них всё нормально было?

Марина долго рассматривает Вадика.

МАРИНА. Понимаешь в чём дело, если я тебе сейчас скажу, что есть, то это тебя не воодушевит, а наоборот опустит. Вот в чём твоя беда.

ВАДИК. Наверное.

МАРИНА. В том то и дело, что «наверное», а должно быть наоборот! Давай думай, решай. Я тебе сейчас с ходу могу сто вариантов развития событий предложить, только это мои варианты будут, не твои. А тебе надо свои варианты придумать. Тебе сколько лет?

ВАДИК. Сорок один.

МАРИНА. Ого!

ВАДИК. Что «ого»?

МАРИНА. Ничего! Ничего удивительного, если в нашем городе, районе, области, стране, нужно подчеркнуть, человек без денег остался? Это нормально. Как бы дико это не звучало. Только... не, не так. Знаешь кто такой Джим Торп?

ВАДИК. Нет.

МАРИНА. Это такой американский бегун, легкоатлет. В 1912 году на Олимпийских играх у него перед соревнованиями украли обувь. И он в мусорном баке нашёл какие-то две туфли, и одна причём была большего размера, и ему даже пришлось дополнительный носок натягивать, прикинь. Вот твоя история мне его почему-то напомнила...

ВАДИК. Он победил?

МАРИНА. Ага. Два раза.

ВАДИК. Жаль.

МАРИНА. Что жаль, говорю же два раза, две золотые медали взял, представляешь? Вот тебе надо так же сейчас пробежать, чтобы и сыну костюм, и с этим Рельсом, чтобы везде выиграть, понимаешь?

ВАДИК. С Рельсом, думаю, мирно уже не получится...

МАРИНА. А я считаю, что фигня этот твой Рельс. В милицию он точно не пойдёт, ну, а по-мужски уже как-то договоритесь.

ВАДИК. Договорились уже.

МАРИНА. Нет, договориться только сейчас придётся. Ты главное жми на него тоже. Он же по сути своей пешка, это начальник их – типа бос, а он-то пешка, и такие как он только разговор силы понимают, потому что другого разговора не слышали никогда. Так что надавить на него надо, а дальше у него уже всё самой собой, по накатанной.

ВАДИК. Не глупых у вас там в управлении персоналом готовят. Не то что я – Ебобо, Ебобо, Ебобошенька.

МАРИНА (*смеётся*). Смешное слово. Не слышала никогда, вроде, и матерное, но и ласковое какое-то.

ВАДИК. В Большой Советской Энциклопедии нет ни одного слова начинающегося с «еб», представляешь... я поэтому даже стихи сочинил.

МАРИНА. Читай.

ВАДИК. Да ладно, чего ты.

МАРИНА (*после паузы*). Прикольный ты, Вадик, взрослый, а врать совсем не умеешь. Ну видно же, что хочешь. Читай давай.

ВАДИК. Ты, как моя Валя говоришь.

МАРИНА (*улыбается*). Читай уже.

ВАДИК. Ебобо, Ебобо, Ебобошенька.

Пусть такой, но прости меня, Боженька.

Мир огромный, а я же в нём – крошенька,

И тобою ведь создан, хорошенький.

Я ж такой голосистый, осанистый,

Я ж и спеть могу, и осанны все,

Вот те крест, я же выучил, Боженька,

Так прости своего Ебобошеньку.

Ну, а коль не простишь, что же делать мне?

Дай пинок мне под зад, иль по темени.

Настучи ты как дятел мне, Боженька,

Чтобы стал я совсем Ебобошенька.

А как стану совсем Ебобошенька,

На лицо и походкой хорошенький,

Так накину на плечи гармошеньку.

И пойду прославлять тебя, Боженька.

МАРИНА. Видно, что прям твоё стихотворение, что это ты написал.

ВАДИК. Спорный комплимент, но... приятно в любом случае. Ласковое слово оно и скотине приятно.

МАРИНА. Надо, Вадик... Вадим. Надо, Вадим, прекращать с этой установкой жить.

ВАДИК. С какой установкой?

МАРИНА. Что ты – маленький человек. Или скотина, или Ебобошенька... классное слово. Но! Надо уверенным в себе быть, понимаешь? Ты вот про Бога говоришь в стихотворении, а живёшь, будто не веришь в него.

ВАДИК. Верю.

МАРИНА. Не веришь. Бог – это сила, ведущая сила. Только не потому, что он должен тебе путь указать, а потому, что само ощущение Бога внутри тебя, тебя и должно вести.

ВАДИК. Это уже управление человеком, а не персоналом.

МАРИНА. Вот ты сейчас уходишь от разговора, тему сбиваешь. Потому что неуютно тебе на самом деле, вот и прячешься. Хорошо, давай так: что это за урна у тебя стоит?

ВАДИК. Это я для хозяйки квартиры, на дачу.

МАРИНА. Украл?

ВАДИК. Ну, можно сказать...

МАРИНА. Верни.

ВАДИК. В смысле?

МАРИНА. Хочешь измениться – начни с малого. Надо, так сказать, карму почистить.

ВАДИК. Ты как Илья говоришь, это я у него на подъезде урну...

МАРИНА. Вот и верни её Илье, и пусть он всю наркоту в эту урну и выбросит.

ВАДИК. Да не станет он этого делать.

МАРИНА. Вадик, алло, я образно говорю. И вообще сейчас не про твоего Илью разговор, а про тебя. Тебе надо измениться, понимаешь? Чтобы что-то начать делать, надо подготовиться и очиститься, и тогда уже с новой силой, понимаешь?

ВАДИК. Много для меня информации за сегодня, Марина...

МАРИНА. Ты что, пла... эй, мужчина... спокойней, Вадим, ты крутой чувак, всё будет нормально, в тебе силы как в двух Джимах Торпах, я уверена просто! Соберись.

ВАДИК. Фух, прости... перенервничал за сегодня. Давай немного помолчим, а?

Сидят какое-то время в тишине.

МАРИНА. Хорошее стихотворение. Ебобо, ебобо, ебобошенька... ты уснул, что ли...

Марина тихонько ставит кружку на столик, встаёт. На столе вибрирует телефон Вадима. Марина какое-то время сомневается, но потом поднимает трубку.

МАРИНА. Алло, Валентина...

Наверное, слышит гудки в трубке, кладёт телефон на столик. Тихонько выходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

9.

ИЛЬЯ (*держит в руке телефон*). Вот, для тебя читаю. Морфологические и синтаксические свойства... ща... прилагательное, качественное, не то... вот – об-ре-чён-ный – не имеющий возможности избежать чего-либо. Тот, кто силой внутренних причин и особенностей поставлен перед неизбежностью гибели, понял?... Да брось ты урну эту...

Вадик пытается вставить выкорчеванную урну назад, но она постоянно заваливается на бок. Он пробует ещё раз и ещё. Молчит, не глядя на Илью. Да на него и смотреть не очень приятно: он сильно избит, видно, что синяки и кровоподтёки свежие.

ИЛЬЯ. Тебе башку отрежут, и в эту урну положат, понял?.. Алло, Вадик... Ты чё, по ситуации совсем не вкуриваешь, или дурачком прикидываешься?

Вадик продолжает попытки установить урну на место. Молчит.

ИЛЬЯ. Прикидываешься, пёс, прикидываешься. Видел я на записи, как ты Рельса там ушатал, красава, хлётским таким – хлоп, и сложился Рельс. Правда сзади трошки не по-пацански, да спросить я тебя хочу не за то. Я тебя спросить хочу, Вадик... *(резко)* ты кто такой? Ты кем вообще возомнил себя, а?

*Вадик не отвечает, отворачивается от Ильи, продолжает возиться с урной.
А Илья, как бы успокаиваясь, на спинку скамейки садится.*

ИЛЬЯ. Меня из-за тебя чуть не завалили... алло, молчун! На морду мою посмотри. Мне теперь знаешь чё? Мне теперь тебя найти надо, потому что на меня всё повесили. А как мне тебя найти, Вадик? Есть предложения?

Вадик на какое-то время поднимает глаза на Илью, затем снова продолжает возиться с урной. Илья не выдерживает, вскакивает, толкает урну ногой, и та падает.

ИЛЬЯ. Ты вообще невменькó, нахрен? Ты за каким его порезал?

ВАДИК. Кого порезал?

ИЛЬЯ. Рельса, кого ещё! Крякнул тот в больничке, не приходя в сознание, утырок ты тупоголовый!

ВАДИК. Я не резал никого...

ИЛЬЯ. Ну, вот у Вальки и спроси, доставляли им в морг такого, или нет.

ВАДИК. Я не резал...

ИЛЬЯ. Резал, Вадик, резал, и бабло подбрil. Я тебе тогда на этой лавке всё рассказал, и время, и стук даже, стук тебе показал, об эту вот лавку сраную. Так что ты мне теперь скажешь? Хотя можешь и не говорить ничего, всё по камерам видно, почти всё.

ВАДИК. Что там видно?

ИЛЬЯ. Всё видно! Эти тебя не знают, но я-то, как облупленного, и походку твою, и манеру двигаться там.

ВАДИК. Нормально я двигаюсь...

ИЛЬЯ. Палишься, пёс, сознался! Хреново ты двигаешься, и камеру хреново сдвинул, видно, как ты Рельса выстегнул! Вы, правда, потом из кадра выпадаете, но все понятно же – Рельса ты вальнул, и бабло ты подбрil.

ВАДИК. Не...

ИЛЬЯ. Чё не? Чё там не? Влез не в своё дело, а оно не по зубам теперь, да? Так вот, Вадик, не отнекаешься. *(вскакивает с лавки)* В общем так, малыш, у меня сутки тебя найти, а потом меня, по идее, завалят. Берёшь такой грех на душу, а?

ВАДИК. Не беру. Я не резал никого, и деньги не брал.

Илья бьёт по урне.

ИЛЬЯ. Чё ты впариваешь мне, Вадик? Видно же как ты к Рельсу пригибался, значит, явно свёрток с деньгами забрал, а потом тебя кто-то в сторону оттащил. Кто с тобой был?

ВАДИК (*испуганно*). Никто... Локи!

ИЛЬЯ. Кто?

ВАДИК. Зловредный Бог такой у скандинавов – Локи зовут. Он Рагнарёк ускорил.

Небольшая пауза для замешательства.

ИЛЬЯ (*истерит*). Хуёк, блядь! Меня завалят нахрен, рагнарёк ты! Думаешь игрушки тут тебе, или что? Тебя сдать? А? Тебя сдать, я спрашиваю? А? А? А?

Вадик медленно поднимает урну. Поворачивается, смотрит на Илью, смеётся.

ИЛЬЯ. Че ты ржёшь?

ВАДИК. Да вижу, что сдашь ты меня как нефиг-нафиг, по глазам вижу, Илюша. Ой, Господи, наградил же родственничком. Только говорю тебе, что не я резал, и денег я не брал. Ну не знаю, как доказать тебе. Не успел, понимаешь, не ус-пел? Ну не свезло.

ИЛЬЯ. Не свезло? Ты реально прокажённый, блин...

ВАДИК. Прокажённый – это больной проказой. Она-то лечится, а вот как неудачу свою вылечить, Илюша...

ИЛЬЯ. Я чёта не вкуриваю, а чё ты спокойный такой, а?

ВАДИК. Потому что, как ты там говорил... обречённый, не имеющий возможности избежать чего-либо. Не имею возможности избежать, понимаешь? Что, убьют меня теперь?

ИЛЬЯ. Если найдут – убьют.

ВАДИК. Так ты же ищешь. Убьёшь, получается?

Илья молчит. Вадик смотрит на урну, трёт ботинком основание.

ВАДИК. Ясно. Слушай, у тебя после ремонта шпилек строительных не осталось? Вогнали бы сейчас через основание в землю, а то совсем не хочет стоять.

ИЛЬЯ. Ты больной на голову? Ты на голову больной, а? Ты на хрен чё тут, Вадик, железобетонного из себя корчишь? Я тебе в сотый раз повторяю, всё, труба, приплыл ты, малыш! Тебя найдут по любому. Слышишь, по любому! А ты спокойненький такой...

ВАДИК (*резко*). Да потому что не знаю я как доказать тебе, что не брал ничего, и Рельса не резал! Вот что мне сейчас делать?

ИЛЬЯ. Бабки надо вернуть.

ВАДИК. Да какие бабки, если я не брал ничего?

ИЛЬЯ. Я сказал! У тебя один выход, либо бабки, либо труба тебе. Причём ещё ни фига не факт, что, если бабки вернёшь всё рассосётся. Мне, по ходу, за тебя ещё впрячься нормально так надо будет.

ВАДИК. Мне сыну не за что костюм на выпускной купить, какие бабки?

ИЛЬЯ. С такой спокойной харей так не говорят. Понял, да?

ВАДИК. Ну видно же, наверное, на камере, что не брал я свёртка.

ИЛЬЯ. Да какое видно, камера хреновая, ночь, освещение, одни тени считай. А вот то, что ты пригибался видно. Значит, ты и взял.

Вадик протирает скамейку рукой, садится. Молчит какое-то время.

ВАДИК (*после паузы*). Идёшь в парк аттракционов, и стоит там такой аттракцион, ну вообще прям, мигает, переливается, лампочки-шмампочки, и всё, и ты залип. И идёшь в кассу, и билет, понятное дело, оказывается самым дорогим именно на этот аттракцион, и у тебя на другие аттракционы денег не останется, но ты решаешь... нет, ты решаешься, потому что на этом крутом аттракционе на самом деле страшно, но ты решаешься, и покупаешь билет. Билет, вот который на сегодня уже всё – больше ты ни на чём не покатаешься, только вот на этом звере – на самом крутом аттракционе в своей жизни. Садись в такой в этот ковш с лампочками, с мягким креслом. Удивляешься, правда, что тебя не пристёгивают, но всё равно лыбу давишь на полную. И вот этот мужичок, спитенький такой, что аттракционом управляет, спрашивает тебя, мол, готов? Серьёзно так спрашивает, а ты ему – а вы сами на нём катались? Куда мне, – говорит, – это не для нас. Ну и ты такой – тогда готов. И он тебя запускает. И вот только тогда ты эту его серьёзность в голосе понимаешь, вот в этот момент, когда запустил он тебя. И вот это вот «это не для нас», ну понимаешь, что это он и про тебя говорил. А уже всё. И ни хрена это не аттракцион оказывается, а катапульта, которая тебя на хрен из парка аттракционов вышвырнула, и, скорее всего, навсегда. А ты летишь, и пока ещё дальше не понимаешь, что будет. А потом понимаешь. Но поздно. Земля приближается. И ты охуеваешь просто... Вот, что такое жизнь. Ходи и смотри, и руками не трогай. И так для всех почти... вот так для всех...

Небольшая пауза для замешательства. Но Илья быстро «находится».

ИЛЬЯ (*резко*). Что, почувствовал приближение земли? Страшно стало?.. И мне страшно, Вадик! Ты бабки верни, я молю прям тебя! Бабки, бабки просто мне притяни, а дальше я разберусь! А не будет бабок – я тебя сдаю на раз-два. Мне за твою дурость в саквояж лезть неохота, не собирался я из-за тебя умирать, но у меня выхода другого нет, либо ты, либо бабки, потому что умирать всем страшно, Вадик!

ВАДИК. Ты знаешь... да, страшно. Страшно... Сколько там было?

ИЛЬЯ. На штуку евро я товар нёс... Посчитал сколько это, или перевести?

Вадик садится на корточки, закрывает руками лицо, трёт его. Встаёт.

ВАДИК. Ты знаешь, что... если меня убивать будут, (я хрен знает, где я бабки такие найду), в общем... В общем, ты Вале пока не говори... и вообще, молчи про все про это. А то она, знаешь, что... а то она возненавидит тебя, а так хоть...

ИЛЬЯ. Что, так хоть? (*у Ильи звонит телефон, он не отвечает*) Так что там, так хоть?

ВАДИК (*уходя*). Ничего... в ЖЭС позвони, пусть урну сделают...

Илья остаётся один. Отвечает на звонок.

ИЛЬЯ. Алло, да... В процессе, в процессе... Да, я Рельса нашёл, я же не отнекиваюсь, но при нём не было уже ничего, он мёртвый уже лежал. (*касается разбитой губы*) Да я им уже всё рассказал, и камеры там смотрели... Откуда я знаю кто это, говорю же, я только подошёл, а он уже мёртвый там... Я голову повернул ему, ну, посмотреть хотел, а там кровяшка из-за уха, ну знаешь, как шилом... Да там не видно на камере ни хрена, темно, да... Нет, мне магазинные по камерам кино и показывали, да я там только

подсел там к нему, и всё... Ага... Помяли, нормально помяли, но ни чё, живой... Да найду я, найду, у меня выхода другого нет, сказали, или найти того, кто жиманул, или бабки! Да им класть, короче, что это не я... Жара, короче... Куда-куда я, рога ломать...

Илья убирает телефон, касается разбитой губы, на лице появляется злая улыбка.

10.

Съёмная квартира Вадика. Он как умеет тихонько-тихонько поёт а капелла, с каким-то дичайшим, но таким нашим акцентом. Марина рядом, слушает внимательно.

ВАДИК. I believe in love, it's all we got
Love has no boundaries, costs nothing to touch
War makes money, cancer sleeps
Curl'd up in my father and that means something to me
Churches and dictators, politics and papers
Everything crumbles sooner or later

But love
I believe in love... I believe in love...

МАРИНА. Красиво. Что это за песня?

ВАДИК. Ты серьёзно?

МАРИНА. Мне двадцать три.

ВАДИК. А... точно.

МАРИНА. Я вообще думала, что ты мне какую-нибудь “что такое осень” споёшь...

ВАДИК. Это Элтон Джон. Я целовался под неё первый раз, ну так, чтобы серьёзно.

МАРИНА. С женой, с Вале́й?

ВАДИК. С женой, с Вале́й.

МАРИНА. И сколько вам было?

ВАДИК. Лет 18 получается. Песня эта где-то в середине девяностых появилась, если я правильно всё помню. Медляк у нас такой был финальный, им всегда танцы заканчивали. Мы не говорили дискотека – танцы.

МАРИНА. Ничего себе песенка для поцелуев...

ВАДИК. Ну там же про любовь?

МАРИНА. Война приносит деньги, церкви, диктаторы, политики... да-а, но я верю в любовь! I believe in love... ты так смотришь, ты не знал о чём твоя любимая песня?

ВАДИК. Ну... догадывался. Чёрч – понятно, что церковь, политикс, лов – любовь...

МАРИНА (*смеётся*). Догадывался он! Не обижайся, очень красивая песня... наверное. (*смеётся*) Шучу, красивая, правда! Я тебе тоже видосик скину один, глянешь!

Небольшая пауза.

МАРИНА. Ты любишь жену?

ВАДИК. Тут знаешь... я, наверное, вот так тебе отвечу...

МАРИНА. Ага, понятно, если долго к ответу подводят, значит какая-то фигня на выходе. Это я тебе как управленец говорю: чтобы понять, где сотрудник врёт, или не договаривает, мы всегда смотрим...

ВАДИК (*перебивая*). Можно я отвечу всё-таки?

МАРИНА. Извини. Давай.

ВАДИК (*после паузы*). В общем... я ей расчёску от волос чищу, понимаешь? Вроде мелочь такая, которую вы, девчата, даже и не замечаете, наверное, но я вот, знаешь... после душа там, замечаю и чищу. Мне-то, сама понимаешь, расчёска как-то и не очень нужна, и я пока не встречал мужиков, чтобы этими... «массажками» расчёсывались... Просто вот замечаю, и хочется, чтобы она на это время своё не тратила... это эквивалент, как считаешь?

МАРИНА. Ты знаешь, наверное, да!

ВАДИК. Ну вот, а вся эта ваша управленческая штука она на нас не работает... на людях.

МАРИНА (*улыбается*). А я не человек, что ли?

ВАДИК. Нет-нет, человек, конечно же. Я не хотел тебя обидеть.

МАРИНА. В тебе так много всего борется сейчас.

Вадик как-то странно улыбается, через страх, что ли...

ВАДИК. Ну, знаешь... как-то вот сейчас, да... страшно.

МАРИНА. Я немного не о том сейчас, но, да, и мне страшно. Наверное, так страшно ещё никогда не было. Но, мне кажется, самое главное уже произошло.

ВАДИК. Ты о чём?

МАРИНА. Урну отнёс? Отнёс. Значит, начало положено. Карма потихоньку чистится, и вообще, Вадим, делай, что должно, и будь, что будет. Вот тебе и универсальный принцип жизни. Марк Аврелий сказал, между прочим.

Пауза. Вадик смотрит куда-то в пол, затем на Марину.

ВАДИК. Знаешь, какая штука... смотрю на таких как ты, и иногда жалею, что кроме как школьником и хабзайцем больше никем не был. Надо было, наверное, образование получить, книжки читать, запоминать что-то для зачётов там, сессий. Я, вроде, пытливый, справился бы. Но всё равно, ты вот сыплешь цитатами, а мне они... ну как тебе объяснить... а я их уже слышал. Не в прямую. Просто, обычный человек так живёт, и ему эти цитаты не надо ни повторять, ни проговаривать. Да ежу понятно, что хорошо, что плохо. И делать человек будет только то, что должно, и будет с ним то, что будет. Извини.

МАРИНА. А за что ты извиняешься? Ты разве вспылал?

ВАДИК. Не заметно, да?

Марина улыбается, отрицательно качает головой. Вадик смущается. Пауза.

МАРИНА. Послушай, я хочу тебе денег дать, чтобы ты разрулил это всё. Возьмёшь?

Небольшая пауза для замешательства.

Стоп-стоп! Я не хочу, чтобы ты обиделся, поэтому и спрашиваю возьмёшь или нет...

ВАДИК. Я отдать не смогу.

МАРИНА (*улыбаясь*). И будь, что будет.

ВАДИК. Нет, я так не могу. Зачем тебе?

МАРИНА. Ну, мы же вроде как в одной лодке, я же тоже засветилась... Локи, так же ты меня Илье представил?

ВАДИК. Ты не Локи, ты как Ангел Хранитель. Но... как я возьму, ты что? Прекращай, так... оно... так оно не бывает... кино какое-то, блин.

МАРИНА. Значит, почти согласен, да?

ВАДИК. Да нет, пока... Слушай, это реально... не реально.

МАРИНА (*улыбается*). Спокойней, эй, мужчина! Бери, Вадим, а там разберёмся, и будь, что будет.

ВАДИК. Слушай, это как-то унизительно...

МАРИНА. Тебя только это смущает? А то, что Илья сдаст тебя? Ты же сам говорил, что с него станется.

ВАДИК. Ну, это-то да, но... откуда у тебя столько денег?

МАРИНА. Это неприятная для меня история.

ВАДИК. Офигеть! И как я должен реагировать?

МАРИНА. Успокойся, Вадим. Просто моя фамилия – Ивашкевич.

ВАДИК. И что?

МАРИНА. И всё!

Небольшая пауза.

ВАДИК. А... Серьёзно, что ли? Это тот, который...

МАРИНА. Да, блин, владелец заводов, газет и пароходов!

Вадик, кажется, «закрывается». Молчит какое-то время.

ВАДИК. Слушай, можно одну вещь спрошу у тебя?

МАРИНА. Ну давай. Типа, нафига мне работа, и так далее?

ВАДИК. Нет... Ты на проспекте в бутике была, где мужские костюмы?

МАРИНА. Была, конечно. (*осекается, и убирает «конечно»*) Была.

ВАДИК. Дорого там?

МАРИНА. Ты там костюм на свои похороны присмотрел, что ли?

ВАДИК. Да нет, я так... не возьму я, в общем. Я, давай, собой буду оставаться, а? А то мне совсем как-то не по себе уже. Что я как нищеброд, в самом деле.

МАРИНА (*заводясь*). Ну глупо отказываться, Вадик! Мне этих денег реально не жалко. Мне бы их, наоборот, чтобы с пользой потратить, понимаешь? Я могу их куда-нибудь, не знаю, в собачий приют отдать. Только всем уже раздала, так чтобы отец не знал. Я, Вадик, сейчас жестоко скажу, но вот помнишь я тебе говорила, что в тебе много чего борется? Так вот это я о том, что ты из поколения такого...

ВАДИК. Какого?..

МАРИНА. Зависшего, что ли... Как объяснить, ты вот вроде и современным, сегодняшним хочешь казаться, но у тебя детство и юность – конец 80-ых и 90-ые – ты совок, понимаешь? Не обижайся, потому что не твоя в этом вина. И я больше скажу, что это очень круто, что так, что ты одновременно и Дядя Стёпа, и человек рассеянный с улицы бассейной, и знаешь... и Винни-пух!

ВАДИК. Нормально, блин.

МАРИНА. Не нормально. Не нормально, что ты завис, и многие из поколения твоего зависли, а время дальше пошло. Я не о том, что ты должен сейчас всё зубами рвать, и по головам идти. Но вы реально – «обнять и плакать», в лучших коннотациях, как говорится. Так что давай без лишних слов, а? Я помочь тебе хочу, потому что ты – вымирающий вид на земле этой, и без таких как ты станет уж совсем невыносимо. У меня видишь, как

получилось, мне помогать не надо, да я, блин, на работу пошла, потому что хочу сама что-то сделать. Так дай мне сделать, пожалуйста, у меня сегодня ко всему и день рождения, так что сделай мне подарок, будь так добр, ведь ты же добрый, Вадик, Вадим, ты же добрый!

Пауза для замешательства.

ВАДИК. Это... Так, что мне сказать теперь надо?

МАРИНА. Беру деньги. Спасибо.

ВАДИК. Беру деньги. Спасибо.

Марина достаёт из сумочки деньги, протягивает Вадиду, тот берёт.

МАРИНА. Отлично. Я соврала, если что, про день рождения. Адаптивная система управления трудовыми ресурсами. Извини. Положим всё на достижение миссии системы!

ВАДИК. Так ты обманула меня сейчас?

МАРИНА. И много. А денег тут немного, я же не знала про свёрток, ну, про эту штуку евро. Я с карты сниму, принесу тебе. Не обижайся только. Прими как: «и будь, что будет»!

Марина быстро уходит. Вадик стоит с глупой, но восхищённой улыбкой на лице.

11.

Спальня Вали. Где-то в прихожей щёлкает замок, через какое-то время в спальню входит Вадик, в руках у него костюм в длинном целлофановом пакете. Через плечо Вадика аккуратно переброшены чёрные брюки. Вадик прикрывает дверь, идёт к шкафу.

ВАДИК. Успел-успел! Красота.

Вадик открывает шкаф, вешает костюм. Затем находит чёрный пиджак, достаёт его, хочет повесить к нему брюки, но останавливается. Вешает пиджак на место, а брюки вешает на плечо новенького костюма в целлофановом пакете. Гордо поправляет брюки.

ВАДИК. Так вот!

Вадик закрывает шкаф, садится на кровать, берёт пульт от телевизора – одна рябь.

Где-то в прихожей слышно, как щёлкает замок. Вадик секунду думает, выключает телевизор, становится у стены так, чтобы его не было видно входящему. Ждёт.

В спальню входит Валя с сумкой в руках. Вадик, как ребёнок, хватается за бока с криком «Отдай моё сердце». Валя вскрикивает, разворачивается, наотмашь бьёт Вадика сумкой по голове. В сумке, или голове, что-то коротко хрустит. Вадик падает, теряя сознание.

Валя узнаёт Вадика, матерится, садится перед ним на колени, бьёт по щекам, слушает сердце. Затем убегает на кухню, возвращается со стаканом воды, набирает в рот, брызжет. Вадик стонет, постепенно приходит в себя, оглядывается по сторонам.

ВАЛЯ. Дебилоид! Чуть сердце не выскочило!

ВАДИК. Что там у тебя, Господи?

ВАЛЯ. Икра кабачковая, малой и сегодня не ночует, подумала, чё я готовить буду, пожру с хлебом, да и всё... пожрала...

Вадим через боль смеётся.

Чё ржёшь?

ВАДИК. Да представил, как тебя в «Тревожной кнопке» показывают. 43-х летняя жительница Заводского района убила мужа банкой кабачковой икры, которую хотела съесть за ужином. Теперь нескоро черная вдова сможет полакомиться любимым блюдом.

ВАЛЯ. И к другим новостям. Ты охренел?

ВАДИК. Что я уже сделал?

ВАЛЯ. Лучше расскажи, что не сделал, Вадик. У тебя откуда столько совести, что ты прямо сюда заявился после всего?

ВАДИК. После чего, после всего?

ВАЛЯ. После того, после всего!

ВАДИК. После чего?

ВАЛЯ. После всего!

ВАДИК. Да скажи ты толком, Валя!

ВАЛЯ. И говорить не буду. Мы с тобой чужие люди, сам знаешь!.. Нет, вот честно скажу, то, что ты такая скотина я не ожидала. Знала, но не ожидала. Это не то, чтобы прям удар, плевать! Разошлись, и слава Богу! Теперь каждый сам жизнь устраивает. Так что, молчи, Валя, не твоё дело, что он там вытворяет, скотина эта, бесчувственная. Ты теперь сама по себе, у тебя горб один, а тебе на нём ещё сына тащить. Так что побереги нервы.

Большая пауза для замешательства.

ВАДИК. Ты, Валь, хоть ниточку-то дай, хоть намёчек какой. Я ж тебе клянусь, не понимаю я о чём ты говоришь!

ВАЛЯ. Кто мне вчера в трубку «Алло, Валентина» прогундосил? Я звонила тебе вчера в третьем часу ночи, хотела... хотела... хотела...

Валя оседает на диван, плачет, отвернувшись от Вадика.

ВАДИК. Валь, Валь, Валечка, так это Марина! Я, наверное, уснул вчера...

Валя сильно всхлипывает.

Ох, ёш-моёш... вчера случайно познакомились, ночью, вот я её к себе и...

Валя всхлипывает ещё сильнее.

Да ты не про то думаешь, Валя! В беду она попала, в беду, слышишь! Стала свидетелем преступления, вот я и спасал человека.

ВАЛЯ. Спас? Понравилось ей, как ты её спасал?

ВАДИК. Валь, да прекрати ты, ей-Богу. Говорю же, ничего такого! Ну как ты вообще подумать могла? Ну клянусь я тебе, Валь, ничего такого, что ты там себе напредставляла и

в помине не было... Ей 23, нахрена я ей такой сдался? Ну посмотри на меня, Валь, ты же всё сразу поймёшь.

ВАЛЯ. Не хочу на тебя смотреть, видеть тебя не хочу!..

ВАДИК (*через паузу*). Ну, пореви, пореви.

ВАЛЯ. Всю жизнь исковеркал мне, хожу как растерзанная...

ВАДИК. Давай, давай, Валь, выпускай зло это, выпускай.

ВАЛЯ. И так света белого не видишь, так он ещё без ножа режет...

ВАДИК. Сильнее даже давай, выговори всё, Валь, до капельки.

ВАЛЯ. Паскуда, Божечки, ну какая же паскуда-то, а?

ВАДИК. И правильно, чихвости меня на чём свет стоит.

ВАЛЯ (*поворачиваясь*). Слушай, да это издевательство какое-то! Что ты мне тут над душой бе-бе-бе, да бе-бе-бе, бя-бя-бя, да бя-бя-бя!

ВАДИК. Вот, Валь, смотри в глаза мне. Это же я – Вадик твой, башка тупоголовая, скотина самая настоящая. Валечка, не было у меня с этой Мариной ничего, она действительно в опасность попала. Давай я тебе спокойно расскажу всё.

Валя медлит. Вадику на телефон приходит сообщение. Он достаёт телефон, смотрит.

ВАЛЯ. Что, от Марины от твоей, опять спасти просит?

ВАДИК. Да не знаю я, неизвестный номер. У меня этой Марины и телефона нет. Ссылка какая-то.

ВАЛЯ. Ну нажми, чего ты? Боишься? Может, это Марина твоя сиськи тебе прислала свои двадцатитрехлетние. Глянь, ну, чё ты?

ВАДИК. Придумаешь тоже.

ВАЛЯ (*после паузы*). Ну так нажимай давай, чего ты застыл?

Вадик мнётся, но под взглядом жены нажимает.

ВАДИК. На ютуб перебросило. Полина Гагарина – кукушка.

ВАЛЯ. Вот подкинет тебе твоя Марина кукушат, будешь знать.

ВАДИК. Да успокойся ты. Нафиг я ей упал вообще? Обещала просто видосик какой-то скинуть, вот и скинула, видимо.

ВАЛЯ. Знаю я, сначала видосики, потом жопосики, потом на алименты папандосики.

ВАДИК. Давай серьёзно, Валь. Вам охранника убитого из магазина привозили?
(*Валя кивает*) Марина свидетель, а я её утянул оттуда, чтобы и нас там же не порешили.

ВАЛЯ. Так и ты свидетель получается?

ВАДИК. И я. А охранник – это Рельс, с детства который...

ВАЛЯ. А я думаю, что мне не спится-то, что во мне волнение какое-то...

ВАДИК. Ты поэтому и звонила в третьем часу?

ВАЛЯ. Ну да. Не по себе было, Вадик. Беспокойство какое-то, а оно вот что. Ещё охранника этого убили так страшно: за ухо воткнули толи заточку, толи отвёртку. И у меня, знаешь, прям сон не идёт, и о тебе чего-то думаю и думаю... Так вам с ней в милицию надо.

ВАДИК. Да в какую милицию, если начальник охраны бывший мент и они там наркотой торгуют, подумала?

ВАЛЯ. Так, а что вы делать будете? Ты скрываешься тут у нас что ли? Я зашла, свет выключен, ты без света сидел, без телевизора. Ты прячешься, Вадим?

ВАДИК. Ну... нет. Все нормально. Все решится нормально, обещаю.

ВАЛЯ. А чего ты мне обещаешь? Ты не исполняешь никогда, что обещаешь, Вадим.

ВАДИК. Всё нормально будет. Эта Марина, она знаешь кто? Она дочка Ивашкевича.

ВАЛЯ. Так он же тоже вор! Все, наверное, там повязаны. Откуда у него деньжищи такие? Мы, вон, голожопые, видно, что мы не воры.

ВАДИК. Ты как ЗойМихална говоришь. Думаешь, Ивашкевич дочку свою не прикроет? Он ещё и мне отстегнёт, за то, что я её спас.

ВАЛЯ. Ага, держи карман. Слушай, а ты не думаешь, что у нас наоборот опасно, ты же тут прописан, тебя, если что, тут искать и будут. А Михалны квартиру кто знает?

ВАДИК. Ну логика есть...

ВАЛЯ. Я провожу...

ВАДИК. Сиди ты, куда ты собралась... Никто меня не ищет, нормально всё говорю.

ВАЛЯ. Я, знаешь, что, я Илье позвоню, пусть он со своей поговорит, кажется, на тебе сглаз какой-то. С работой вон, и с головой, и сейчас... Пусть она там руками поводит. Иди.

Вадик топчется на месте.

ВАДИК. Может я останусь, Валь?

ВАЛЯ. Нет, Вадик. И не думай даже.

ВАДИК. На нет и суда нет... ты, это... уснуть постарайся...

ВАЛЯ. Жрать хочу...

ВАДИК. Ну, пожри... и ложись...

ВАЛЯ. Так нечего жрать, икру же расколошматила о голову твою пустую.

ВАДИК (себе). О, уже о голову, не о башку.

ВАЛЯ. Чего?

ВАДИК. Ничего. Сбегаю давай, говорю, куплю чего?

ВАЛЯ. Иди уже, разберусь, два яйца, кажется, было ещё в холодильнике. (*Вадик открывает рот, но не успевает ничего сказать*) И не смей шутить мне тут. Фуф, ненавижу шуточки эти твои. Иди. Иди говорю.

Вадик качает головой, выходит. Через какое-то время слышно, как щёлкает замок. Валя берет сумку, открывает, макает в неё палец, обсасывает. Глаза наливаются слезами.

ВАЛЯ. Выперла его... а не поняла, чего он приходил-то, Господи... чего хотел?..

Валя подходит к окну, долго вглядывается в темноту.

12.

Вадик на съёмной квартире. Он в трусах и майке сидит перед открытым ноутбуком, в руке кружка, взгляд прикован к монитору. Полная тишина. Вадик не шевелится, и кажется, будто даже не дышит. Иногда моргает красными от слёз глазами.

В квартиру вваливается ЗойМихална. Тяжело дышит, обдувает блузкой огромную грудь.

ЗОЙМИХАЛНА. Привет, Вадик. Я за деньгами. Ну давай, начинай мяться...

Вадик молчит не обращая внимания. ЗойМихална ставит сумки, проходит.

Здрасьте, молодой человек! (*смотрит на неподвижного Вадика*) А что ты молчишь, окаменел, Вадик? Или ты думаешь, затаился, так тебя и не видно? Ты ж не этот, не камелеон, Вадик, хоть бы камуфляж надел какой, а то опять в трусах.

ЗойМихална садится к Вадиду на тахту. Вадик поворачивает на неё голову, смотрит.

ВАДИК. Я вам показать кое-чего хочу...

Вадик поворачивает голову к ноутбуку, включает. Вадик и Зоймихална смотрят видео под названием ПОЛИНА ГАГАРИНА «КУКУШКА»- Выступление в Китае – Реакция иностранцев (<https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=YlOaJOO434w>). С первых секунд Вадика будто приковывает к монитору, через какое-то время ЗойМихална немножечко выпрямляется, и уже не отводит взгляда от ноутбука. Затем по их щекам начинают течь слёзы. Это слёзы гордости. Так они плачут и смотрят до 4:40. Вадик тянет руку, чтобы остановить воспроизведение, но ЗойМихална не глядя останавливает его руку своей, и они продолжают смотреть до 6:46, а потом и до 7:45, до конца. Странно это всё. Смешно вроде по ситуации, но одновременно какая-то гордость от того, что в этом видео всё сошлось для разных, казалось бы, поколений.

Видео заканчивается, и после долгой паузы ЗойМихална протягивает Вадиду паспорт.

ЗОЙМИХАЛНА. И салоны печати на ковид-изоляции, представляешь, пришлось ехать чёрт знает куда... В 88-ом меня отправили в Ленинград, на повышение квалификации. Лето, молодость, красота, гуляй не хочу. Мы с девчатами дошли до зимнего стадиона, а там молодёжи, ну, уйма, уйма просто. Ну и нам интересно, все ж такие необычные, причёски, макияж у парней даже, пьяных правда много было, не суть. Короче, там фестиваль должен был быть Ленинградского рок клуба. Мы тоже там в стороночке присели, наблюдаем за всеми, для нас же другой мир, как в Америку попали, только матюки наши. Слышно, как группы какие-то репетируют, налаживали аппаратуру, наверное. И тут куда-то все подрываются. «На Смольный» кричат. Мы перепугались, революция опять что ли, думаем. Но интересно жуть! Кто-то кричит: «Потому что привычка запрещать всё подряд никуда не делась, так они и перестройку запретят». В общем, власти решили фестиваль отменить перед самым началом. И все, кто был, пошли на Смольный. Мы тоже пристроились к колонне, идём, а нам люди из окон кричат, поддерживают, и присоединяются, много людей. И тут у кинотеатра, вроде Ленинград, кордон милицейский. Упёрлись мы в них, короче. И один, что в голове шёл, кричит всем: «Садимся». И все сели, представляешь, и мы сели. Я потом узнала, кричавшим был Миша Борзыкин из группы «Телевизор». Вышли к нам договариваться какие-то представители, наверное, обкома, милицейские начальники, но у властей в тот день хватило ума никого не разгонять. Так я на фестивале рок-клуба побывала... точнее рядом. Там и «Кино» выступали, и другие.

Небольшая пауза для замешательства.

ВАДИК. Вы кто, ЗойМихална? Кто вы? И чего это я вам в прошлый раз про «Бошетунмай» распинался, а вы только улыбались?

ЗОЙМИХАЛНА. Понравилось мне твоё видео, Вадик. Как-то завернуло оно меня в сторонку, будто в молодость.

ВАДИК. ЗойМихална, вы мне на вопрос ответьте. Вы кто?

ЗОЙМИХАЛНА (*резко подняв руки вверх, как бы пугая*). КаГЭБэ. Страшно? Я, Вадик, – это ты, только Зоя. Понимаешь? Зоя! (*Вадик отрицательно машет головой*) Так же, как и ты раньше думала, и имя несчастливое, и всё такое прочее. Мы знаешь как в перестройку думали? (*Вадик снова отрицательно машет головой*) Мы боялись, что если перестройка захлебнётся, то многих из нас, кто её поддерживал, конечно же, посадили бы, кто-то успел бы уехать, а кто-то спился бы... и вот перестройка не захлебнулась, но всё так и произошло: кого-то посадили, кто-то уехал, а кто-то спился. Так что чему быть, того не миновать.

Звонок в дверь. Вадик идёт открывать, понимает, что он в трусах. ЗойМихална машет ему, мол, одевайся, а сама идёт к двери, открывает. Входит Марина.

МАРИНА. Здравствуйте, вы, наверное, хозяйка, ЗойМихална, а Вадим дома?

ЗОЙМИХАЛНА. Вадик? Вадик дома, штаны напяливает.

Вадик, успев надеть штаны, выходит встречать Марину.

ВАДИК. Привет, Марина. (*ЗойМихалне*) ЗойМихална, это – Марина. Моя знакомая.

ЗОЙМИХАЛНА. Очень приятно.

МАРИНА. Вадим много рассказывал о вас.

Небольшая пауза для замешательства.

МАРИНА. Вадим, спустись, пожалуйста, вниз, там у подъезда стоит кое-что.

ВАДИК. Что?

МАРИНА. Ну вот и узнаешь. Сходи, принеси. Это важно.

ЗОЙМИХАЛНА. Вдруг ещё упрут что-то, что там важно. Что ты валтүзишься туда-сюда, Вадик? Беги давай.

Вадик выходит. ЗойМихална без стеснения рассматривает Марину.

МАРИНА (*после паузы*). ЗойМихална, не называйте его Вадик, называйте Вадим.

ЗОЙМИХАЛНА. У него жена и ребёнок, знаешь?

МАРИНА. Это к имени никак не относится. Я вам не враг, ЗойМихална. На Вадима я не претендую. Мы познакомились три дня назад. У него некоторые проблемы, которые я могу разрешить. Я вижу, что вы женщина серьёзная, поэтому уверена, что мой ответ устроит вас полностью и новых вопросов у вас не возникнет. Давайте жить дружно.

ЗОЙМИХАЛНА. Ну, сучка... как я в молодости. (*рассматривая*) Нравишься.

МАРИНА. Спасибо.

ЗОЙМИХАЛНА (*через паузу, рассматривая*). Воспитанная.

МАРИНА. Спасибо. Очень приятно.

ЗОЙМИХАЛНА (*через паузу*). Красивая, статная, ухоженная. Не верю я тебе!

МАРИНА. Потом неудобно будет, ЗойМихална.

Входит Вадик, у него в руках неаккуратно завёрнутая в техническую бумагу новенькая кованная урна с какими-то завитушками и узорами. Вадик ставит её, распаковывает.

ВАДИК. Ну, Марина, ты дала! ЗойМихална, я так понимаю, это вам! Да, Марина?

МАРИНА. Правильно. Это вам, ЗойМихална.

ЗОЙМИХАЛНА. Господи, мечта, просто мечта, Марина, Вадик, мечта! Иосифовна слюной задавится, гримза. Ой, что же это я так рада, прости, Господи! Спасибо, Мариночка.

МАРИНА. Я же говорила, что неудобно получится.

ВАДИК. Ты о чём?

ЗОЙМИХАЛНА. Ни о чём, Вадик. Ты знаешь что, ты, раз так, ты не плати мне... за этот месяц.

МАРИНА. Он всё вам заплатит, ЗойМихална.

ЗОЙМИХАЛНА. Ехать, ехать надо, что кудахтать вокруг да около. Давай, Вадим, спусти-ка мне её вниз, сейчас я такси вызову.

ВАДИК. Я еле допёр её, дайте отдышаться-то. Или давайте так, я вам её завтра с утра привезу, всё равно её в таком виде устанавливать нельзя. Покрасить надо, загрунтовать.

ЗОЙМИХАЛНА. Что надо говори, я тогда в строительный побегу!

ВАДИК. Краску, грунтовку, шпильки строительные возьмите...

ЗОЙМИХАЛНА. Ладно, разберусь. Мариночка, дай я тебя обниму. Приезжай ко мне завтра вместе с Вадиком, я тебя таким чаем напою. Тьфу, ты, чаем говорю, настойкой!

МАРИНА. Обязательно, ЗойМихална.

ЗОЙМИХАЛНА. Всё, жду завтра... с рассвета жду! *(смеётся и все смеются)*

ЗойМихална уходит. Вадик и Марина молчат какое-то время.

ВАДИК. Спасибо тебе, Марина. За всё.

МАРИНА. Ладно тебе. Так, *(лезет в сумочку)* вот, держи деньги. В общем, теперь спокойно звони Илье и закрывай этот вопрос. И... вот ещё что... у меня для тебя две новости, как положено – хорошая и плохая. С какой начать?

ВАДИК. Как положено и начинай – с плохой. Ты напряженная какая-то.

МАРИНА. Ну, тогда и расскажу. В общем так. Новость плохая. Я с отцом боролась, и на работу для этого устраивалась, хотела доказать ему, что сама могу чего-то добиться и так далее, и тому подобное. Но сегодня с утра... в общем, битва моя проиграна – отец купил мне магазин.

ВАДИК. Офигеть плохая новость. Что ж плохого-то?

МАРИНА. Ох, ну как мне это всё тебе объяснить! Отцы и дети, вечный конфликт. Но главная беда в том, что магазин меховых изделий, *(Вадик смотрит непонимающе)*, шуб! Магазин шуб! С шубами! Из животных, из живых, понимаешь? *(Смотрит на кружку, стоящую у ноутбука, берёт в руку)* Можно я эту кружку об стену, а?

ВАДИК. Это ЗойМихалны, давай я тебе свою принесу. Могу две, даже.

МАРИНА. Забыли. Воды просто принеси.

Вадик выходит.

МАРИНА *(кричит)*. Вот отец специально это сделал, я прям вижу улыбку его.

Вадик возвращается с кружкой.

ВАДИК. Если магазин – это плохая новость, то какая хорошая?

МАРИНА. С хорошей тоже не всё просто, тебе придётся с папиной охраной пообщаться, экзамен сдать.

ВАДИК. Нафига, какой ещё экзамен?

МАРИНА. Я хочу, чтобы ты стал начальником охраны этого сраного магазина.

Вадик какое-то время смотрит на Марину, затем пьёт воду из кружки. До дна.

13.

Вадик у подъезда Ильи рассматривает установленную урну, пробует ногой на прочность.

Из подъезда озираясь выходит Илья, в руках у него небольшой чёрный пакет.

ВАДИК (указывая на урну). Ты позвонил?

ИЛЬЯ. Мне делать больше нечего? Давай.

Вадик передаёт Илье деньги, тот убирает их в карман, протягивает Вадиду пакет.

ВАДИК. Что это?

ИЛЬЯ. Валя вчера звонила, ныла, я думал из трубки потечёт. В общем я со своей поговорил там, ну, что ты, мол, прокажённый. Тут бóшки куриные, ещё фигня какая-то, кровь. Короче, малая сказала на старом кладбище в 12 ночи прикопай где-нигде. Или на могиле там какой, или на перекрёстке, без разницы, главное, на территории кладбища. И там листок ещё внутри, как прикопаешь, прочитаешь, что там написано, и сожжёшь.

ВАДИК. Спасибо. А с этим делом как?

ИЛЬЯ. Не ссы, разберусь. Ща вон обряд сделаешь, ваше заживёшь, как на раз.

ВАДИК. Хотелось бы.

ИЛЬЯ. Ну так и не грусти, чё ты! Видишь, все проблемы разрешимы, если с головой там подходить. Где столько денег взял?

ВАДИК. Не волнуйся, убивать не пришлось. Складываться как-то всё стало.

ИЛЬЯ. Смотри, легонько будь, а то ментам попадёшь, тут я уже не отмажу.

ВАДИК. Не попаду. Я с криминалом завязал.

Илья смеётся.

ИЛЬЯ. Нормально сказанул. Завязал, не успев начать. Уважаю! Только ты не зарекайся, в народе просто так не говорят, сам знаешь.

ВАДИК. Знаю. Ты тоже себя береги.

ИЛЬЯ. Да мне-то, что?

ВАДИК. Ну вон я тебе про катапульту рассказывал, с тобой ни разу такого не было?

ИЛЬЯ. Я о таких вещах не думаю. Жизнь, она не катапульта. Она – качельки-лодочки. И когда наверху оказываешься, надо там человека, что внизу, толкнуть сильнее. И чем сильнее толкнёшь, тем выше через мгновение окажешься. Вот так, брат.

ВАДИК. Так может надо толкнуть, чтобы человек, что напротив, выше оказался? Тогда и он тебя выше закинет. Такую философию не рассматриваешь?

ИЛЬЯ. Не, не рассматриваю. (смеётся)

ВАДИК. А жаль.

ИЛЬЯ. Да ладно, чё ты меня жалеешь. У всех своя философия. Поздно меня жизни учить.

ВАДИК. Тут ты прав. По Рельсу ничего не слышно?

ИЛЬЯ. Ищу, сам понимаешь. Вон (*ударяет себя по карману*) почти нашёл.

ВАДИК. Я серьёзно. Ты же знаешь, что не я это.

ИЛЬЯ. А чё деньги принёс?

Вадик какое-то время смотрит на Илью.

ВАДИК. Всё, пока. Больше говорить не о чем...

ИЛЬЯ. Да ладно, чё ты обиделся. Башкой подумай, чё там может быть слышно? И чё ты его жалеешь, тварью он был.

ВАДИК. Так и ты тварь!

ИЛЬЯ. Так и ты! И ты, Вадик! Ты-то с себя ответственности не снимай, понятное дело зачем ты шёл. Или не так?

ВАДИК (*через паузу*). Так. И я даже знаешь, о чём думаю? Мне кажется, что ошибка, когда ты взял и что-то не просчитал, вот она даже страшнее преступления. Что даже преступление – это ответственность. Понимаешь?

ИЛЬЯ. Опупеть ты Робин Гуд. Успокойся. Забудь, как страшный сон, и всё.

Вадик садится на скамейку, какое-то время молчит.

ВАДИК. Слушай, а дай мне по башке, а? Так классно всё забывать, ни черта не помнить. Классно же, а? Дай, Илюша, покрепче?

ИЛЬЯ. Ты чё, старик?

ВАДИК. Да, что-то расклеиваюсь, сам видишь.

ИЛЬЯ. Да ты прекращай, Вадик. Все это проходили. Не ссы, забудется. Все нормуль будет, вот увидишь, с 12 ночи, прям другая жизнь начнётся.

Илья кладёт сидящему Вадиду руку на плечо, тот смотрит на неё, убирает в сторону.

ВАДИК. Неа. Ладно, пойду я. Больше мне ни сказать, ни спросить нечего... И не хочется, если честно. (*уходит*)

ИЛЬЯ (*в след*). А чё так?.. А благодарочка?.. Ладно, считай, что с хэппи-эндом тебя! Бывай. Если вопросы какие встанут, я наберу.

Вадик останавливается, поворачивается к Илье.

ВАДИК. А что такое хэппи-энд? Ну правда. Вот случился он, и что? На завтрашнее утро, что? Прошёл хэппи-энд, и по новой, и дальше живи, и так до посинения...

ИЛЬЯ. Да ладно, чё ты! Всё будет, «як мае быць»*.

ВАДИК. Рельса жалко. По-человечески жалко... Это же ты его? Ты при мне на этой лавке ему заточку за ухо пообещал... ещё и бабки с меня вынул, родственничек... ну, это ладно... каждый своё получит. Каждый.

ИЛЬЯ. Не пугай. Пуганый, понял?

ВАДИК. Я не пугаю. Я убеждён в этом. (*делает несколько шагов, останавливается*) Эх, тут бы сейчас ещё рокешник такой, из семидесятых, американский...

Вадик уходит. Илья достаёт телефон, набирает номер, долго ждёт ответа.

ИЛЬЯ. Алло... щас, сэку... секунду, говорю (*Илья убирает телефон от уха, сжимает его в руке, выдыхает, говорит дальше*) да, слушаешь... короче, нашёл кого надо... Да, точно... сегодня в 12 на старом кладбище встречайте... ну, я ж не из простых, уметь надо... вы не базарьте только, он с «игрушкой», так что аккуратно... Ха-ха... Всё, при встрече остальное... через недельку, переждать надо, кости пока погрею... не решал ещё куда. Куда билеты будут, там и буду... Всё, давай.

Илья убирает телефон. Пинает урну, выбивая её со свежим основанием.

Блядь, блядь... блядь...

*Илья садится на корточки, закрывает лицо руками, трёт его, плачет.
Через какое-то время встает как ни в чём не бывало. Уходит в подъезд.*

*«як мае быць» (бел.) – как должно быть.

14.

На съёмной квартире Вадика. Он сидит на тахте, перед ним на журнальном столике пакет Ильи. Вадик развязывает его, заглядывает, морщится. В дверь звонят. Вадик быстро завязывает пакет, идёт открывать. На пороге Валя.

ВАДИК. Ты... чего так поздно?

ВАЛЯ. Собираешься куда-то?

ВАДИК. Заходи. Да. Ты же Илье вчера позвонила, вот, еду сейчас обряд совершать, от сглаза избавляться.

ВАЛЯ. Обязательно ночью?

ВАДИК. Днём меня в дурку загребут, он мне пакет дал с причиндалами, там и кровь, и головы куриные, заклинание какое-то. Жуть, в общем. Садись.

Валя садится на тахту перед пакетом, подозрительно смотрит на него.

ВАЛЯ. Давай я с тобой поеду.

ВАДИК. Сиди ты, Господи, чародейка Валентина.

ВАЛЯ. А что?

ВАДИК. Да ничего. Наверное же, надо одному быть, а то ещё и с тебя сглаз спадёт, так ты себе нового мужика найдёшь, жить начнёшь по-человечески, ни дай Бог. (*улыбаются оба*) Так ты чего приехала?

ВАЛЯ (*через паузу*). Я поесть тебе привезла.

Валя достаёт из сумки контейнер, небольшое полотенце, приборы. Раскладывает.

ВАДИК. Думаешь, у ЗойМихалны вилок нет?

ВАЛЯ. Спасибо бы сказал.

ВАДИК. Спасибо, Валя. Честное слово, спасибо, я сегодня чего-то и не жравши.

Вадик подсаживается к Вале, берёт вилку, но через секунду откладывает в сторону.

ВАДИК. Главного-то и не сказал, Валь. В общем, Марина... Марине отец купил магазин. Так она хочет, чтобы я у неё за начальника охраны, а? Как тебе?

ВАЛЯ. Рада за неё, что и у неё с головой не в порядке, чё сказать.

ВАДИК. Знал, что ты поддержишь.

ВАЛЯ. Ты справишься, Вадик, ты же пытливый, разберёшься.

ВАДИК. Ты ревнуешь, что ли?

ВАЛЯ. Да, много, что-то этой Марины стало. И урну ЗойМихалне подогнала, и тебя на работу устроила, мне вот что-то мутно это всё кажется.

ВАДИК (*улыбается*). Позвонила Михална, да? И про урну рассказала, и про Марину. (*обнимает Валью*) Дурочка моя. Дурочка.

ВАЛЯ. Не лезь, ешь давай.

ВАДИК (*не отпуская жену*). Валечка, всё хорошо будет, теперь всё хорошо будет, Марина – это ангел какой-то. Какой-то новый шанс, другая страница, новый виток, второе дыхание. Ты понимаешь, что всё изменится теперь? Ты же не просто так приехала.

ВАЛЯ. Я ж не знала, что тебе работу предложили, алло, что ты из меня какую-то... меркантильную делаешь?

ВАДИК. Да я не о том. Ты же приехала мириться, так чего ходить вокруг да около. Валька, ты не представляешь, как я соскучился, как я тут волком выл.

ВАЛЯ (*через паузу*). И я волком выла...

ВАДИК. Волчица моя. Волчье не найти! (*целует её, она отвечает, но...*)

ВАЛЯ (*отстраняясь*). Дурак. Ешь давай.

Вадик снова берёт вилку, и снова откладывает в сторону.

ВАДИК. Ты знаешь, Валь, был момент, когда я решил, что мне на всё плевать, что мне, кроме вас, на всё плевать должно стать. И я тебе честно скажу, я так поплатился за мысли эти. Так на себя много взял, что поплатился, понимаешь? И вот сейчас, когда позади всё, когда горизонты, понимаешь, открываются, у меня всё равно такой груз. Такая тоска. Мне так прижаться к тебе хочется и не отпускать... чтобы ты меня не отпускала.

ВАЛЯ. Сдохнешь романтиком.

ВАДИК. А я всё равно знаю, что ты это любя говоришь.

ВАЛЯ. Конечно, любя.

ВАДИК. И вот про малого ещё думаю. Думаю, как нам, ну людям вообще, как так растить детей, чтобы им потом не больно было жить? Как уберечь их?

ВАЛЯ. Ты знаешь, ты как чокнутый профессор.

ВАДИК. Как поэт, Валя.

ВАЛЯ. Как чокнутый поэт. Ебобо, Ебобо, Ебобошенька.

ВАДИК. Пусть такой, но прости меня, Боженька... Простит, Валь, ведь простит?

ВАЛЯ. Конечно, простит. Уже прощает, вон как всё у тебя складывается. И работа, и дом, и жена красавица, хозяйюшка, только ты не жрёшь нихрена.

ВАДИК. Гончая порода. У нас все по мужской линии худые.

ВАЛЯ. Давай ты исключением станешь, а?

Валя снова протягивает Вадиду вилку, он берёт, но застывает, смотрит куда-то.

ВАДИК. Надо малому на учёбу начинать копить, чтобы не как отец, да?

ВАЛЯ. Ты ещё на работу не устроился, копильщик.

ВАДИК. Но устроюсь ведь, Валь?

ВАЛЯ. Ну, устройшься, если захочешь.

ВАДИК (*повернувшись к ней*). Я ради вас, Валя. Ради вас.

ВАЛЯ. А мы ради тебя, Вадик.

ВАДИК. По-новому всё, да?

ВАЛЯ. Ага, ешь.

ВАДИК. Ну ведь станет, ведь станет по-новому, Валь?

ВАЛЯ. Станет, Вадик.

У Вадика звонит мобильный, он быстро смотрит, отключает. Берёт со стола пакет.

ВАДИК. Будильник. Ехать надо, Илья сказал, чтобы ровно в двенадцать.

ВАЛЯ. Так и не поел ничего.

ВАДИК. Приеду, поем. Всё, давай, родная.

Вадик обнимает Валью, несколько раз целует её в щёки, Валя останавливает его.

ВАЛЯ. Потом. Ты давай, едь, а я тебя так ждать буду, так ждать.

ВАДИК. А я так ехать, так ехать.

ВАЛЯ. Ебобо ты моё, Ебобо!

ВАДИК. Шаганэ ты моя, Шаганэ!.. Я скоро, Валь, скоро.

Вадик ещё раз обнимает Валью, идёт к двери. Валя провожает, они целуются на прощание, Валя закрывает дверь, садится на тахту, но через какое-то время встаёт, подходит к окну, стоит уперевшись лбом в стекло, и долго всматривается в темноту.

15.

Валя всматривается в окно своей спальни. Она, не отрывая взгляда распахивает занавески, одной рукой нащупывает её край, и прикладывает её к голове как фату.

ВАЛЯ. Вот так же стояла и ждала, когда замуж выходила. Все крутятся, охают, а я стояла, ждала. Интересно было как приедет, сколько машин, чем украшены, а главное, какая в «голове» будет. Он хотел черную, а мне этих черных и на работе по горло... Хочу, говорю, оранжевую... Не знаю, где её нашёл, так и не сказал. Но приезжает оранжевый кабриолет, а зима, японский Бог, там крыша кожаная эта, в общем, дубак... Какие же дураки были... любили... Ну пока выкуп, тое-сёе, мама пока вокруг стола с иконой поводила, в общем, говорю маме, собери ты нам что-нибудь поесть в машину, что-то жрать захотелось, ужас как. В машину садимся, а она внутри оранжевым бархатом обделана, красиво очень, а я с тарелкой. Мама на нерве ничего лучше не придумала, и тарталетки с оливье сунула. Водитель напрягся сразу, говорит, вы аккуратней, если что-то по салону размажете – высаживаю и как хотите. Едем фотографироваться сначала, у нас выездная роспись была, едем и едим, значит. И на повороте я тарталетку роняю и прям на сиденье это бархатное. (*улыбается*) У Вадика глаза вылезли, он рукой что-то трёт незаметно, что-то пытается там исправить, и тут водитель тормозит, прям посреди дороги. Вот прям посреди. Вадик белеет, я тоже понимаю, что всё, приехали. Водитель выходит, и начинает сердце на капоте поправлять, украшение. Его ветром срывать стало, так он решил присобачить его получше... Мы в первую брачную ночь больше об этом говорили и смеялись, чем...

Пауза. Валя отпускает штору, идёт к шкафу, почти не глядя достаёт оттуда чёрный костюм с белой рубашкой. Садится с ним на кровать. Снова подходит к окну.

Я не узнала его сразу. Привезли, значит, нам крикнули, мы чай как раз сидели пили... Ну я, как всегда, перчатки там, инструмент готовить, а Окунев, сослуживец мой, бумаги берёт, и я смотрю... Фамилия такая – Окунев, реально – рыбий глаз... смотрю, он в лице изменился, но я как-то... Потом уже, когда тело стала укладывать ровнее (я на лица уже внимания не обращаю), и всё увидела, родинку сначала между седьмым и восьмым ребром, потом шрамик под нижней губой, незаметный такой... И... Медленно так глаза поднимала, медленно-медленно, потому что понимала уже всё, понимала, что это Вадик лежит... Скоро сюда привезут. Вроде, родной дом. Надо тут полежать, хоть и не делает так уже никто... Вон, кажется, поворачивает машина... ну, точно... Ага. Привезли. Выгружают. Сейчас, только одену по-человечески... сама, сама... Малой только без костюма на выпускной остался... *(рассматривает костюм.)* А брюки?.. Обещал же занести...

Валя снова идёт к шкафу, открывает его и видит новый костюм в целлофановом пакете, на плече которого висят чёрные брюки. Валя берет костюм, садится, плачет.

Ебобо, Ебобо, Ебобошенька. Пусть такой, но прости его, Боженька... Вот, Вадик, придумал же ты слово – «крошенька» ... хорошее слово... твоё.

У Вали звонит мобильный, на рингтоне Elton John – Believe. Она отвечает.

Да, я видела, что вы подъехали. Извините, наверное, домофон отключен, сейчас...

Валя бросает телефон на кровать, выходит. Через несколько секунд телефон снова звонит песней Элтона Джона. Долго.

Затемнение.

Пьеса написана в 2020 году на фабрике нарративного театра «Дисциплина» в Новосибирском театре «Старый дом». Пожалуйста, указывайте эту информацию во всех рекламных материалах, связанных с использованием этого текста — например, в анонсах, программах и пресс-релизах.

В пьесе использован текст песни Elton John – Believe

Ссылка на видеоролик канала Vaseslav ПОЛИНА ГАГАРИНА «КУКУШКА»-
Выступление в Китае – Реакция иностранцев <https://www.youtube.com/watch?v=Y1OaJ0O434w>
или скачать <https://yadi.sk/i/7dQqRVw5GNm9-Q>

Минск, 2020г.
Д. Богославский
Dm.bgslvsk@gamil.com
+375 29 572 7919